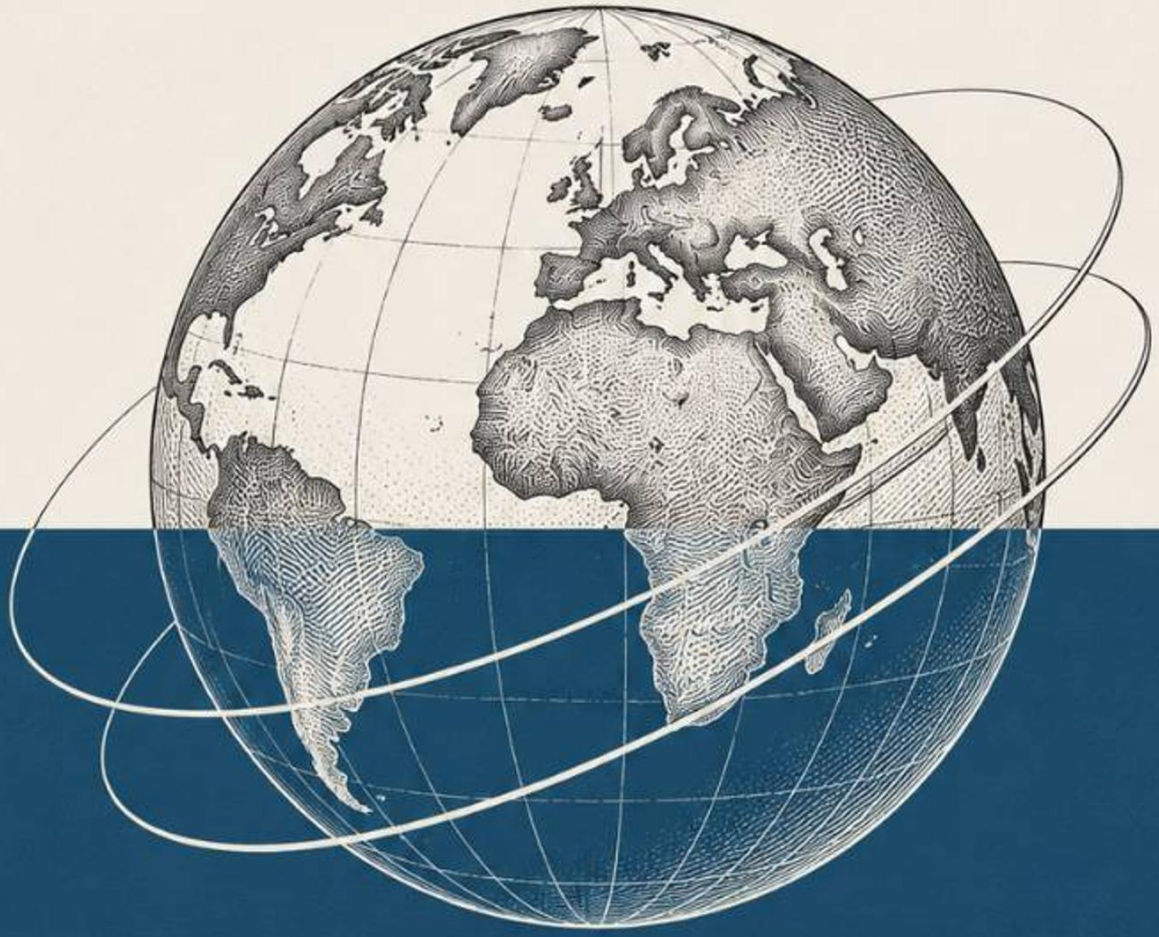
РОН ДЕЙКАР

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Рон Дейкар

Краткая история мировой экономики

«Автор»
2026

Дейкар Р.

Краткая история мировой экономики / Р. Дейкар — «Автор», 2026

Мир, в котором всё решают деньги, возник не сам собой. Кто его построил? Прежде чем появились банки, фабрики и биржевые спекуляции, были крестьянские общины, цеховые запреты и торговцы, рисковавшие всем. Макс Вебер связывает эти истории в ответ на большой вопрос: почему современный капитализм сложился именно на Западе? Одного желания разбогатеть для этого оказалось мало.Если вас больше не устраивает объяснение «так устроен рынок», берите эту книгу. За привычными словами «собственность», «кредит» и «свободный труд» откроется борьба интересов, законов и убеждений. Вы сможете обсуждать устройство экономики, понимая, откуда оно взялось.

© Дейкар Р., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Введение 5
Разъяснение понятий 7
1. Основные понятия 7
2. Типы организационных структур в экономике 12
3. Особенности экономической истории 17
Раздел 1. Организация сельского хозяйства и проблема аграрного коммунизма 19
Раздел 2. Система собственности и общественные объединения — клан 31
Раздел 3. Возникновение феодальной системы собственности 44
Раздел 4. Феодальная система 51
Конец ознакомительного фрагмента. 54

Рон Дейкар
Краткая история мировой экономики

Введение

«Краткая история мировой экономики» — классическое произведение известного немецкого экономиста и социолога Макса Вебера. Вебер был плодовитым автором, и сфера его исследований охватывала практически всю систему западных социальных наук XIX–XX веков, включая экономику, социологию, менеджмент, историю, политологию и т. д. Его эпохальные научные достижения считаются основополагающими для современной социологии. В западном мире он считается одним из главных основоположников классической социологии, пионером современных сравнительных культурных исследований и, наряду с Карлом Марксом и Эмилем Торкье, входит в тройку «божеств» современной социологии.

Данная книга, являющаяся одним из его важных ранних трудов, прослеживает по временной оси весь процесс экономического развития Европы, обобщает предпосылки, условия и глубинные корни зарождения современного европейского капитализма и глубоко раскрывает духовную сущность капитализма.

В начале XX века мысли Вебера не только произвели огромный фурор на Западе, но и открыли для современных китайских интеллектуалов новые горизонты в социологии. В частности, важный вопрос, на который он отвечает в этой книге — почему современный капитализм возник на Западе, а на Востоке так и не смог прижиться — привлек широкое внимание китайского социологического сообщества. Оригинал книги написан на немецком языке, отличающемся сложной и тонкой языковой структурой, а стиль изложения отражает характерную для Вебера строгость логики и тщательно выверенную формулировку. Хороший перевод способен воссоздать между строк ясные и глубокие прозрения Вебера, а также его гениальную интерпретацию процесса зарождения современного европейского капитализма. Перевод г-на Чжэн Тайпу появился как раз вовремя; с момента выхода он получил признание в научных кругах, несколько раз переиздавался и не теряет актуальности до сих пор.

Господин Чжэн Тайпу — известный китайский переводчик, в совершенстве владеющий немецким и английским языками. Он учился в Гёттингенском университете в Германии, изучая математику и физику. По возвращении на родину он работал в издательстве «Шумао», а также в университетах Тунцзи, Цзяотун и в Китайском профессиональном училище промышленности и торговли. Общее число его переводов и отредактированных им работ насчитывает более 20 наименований; среди его наиболее известных трудов — «Наука и метод» и «Математические основы философии природы».

Перевод г-на Чжэн Тайпу «Краткой истории мировой экономики» выполнен на основе дословного перевода немецкого оригинала Вебера; язык перевода плавен и естественен, лаконичен и ясен; он не только точно передаёт идеи оригинала, но и воспроизводит ход мысли Вебера. В целях сохранения аутентичности перевода г-на Чжэн Тайпу в данном издании были сохранены характерные для оригинального издания термины, заимствованные иероглифы и пунктуация; исправления внесены лишь в отношении явных редакционных ошибок в тексте. В тех случаях, когда термины из области экономики, способы обозначения времени, географические названия и имена лиц не соответствуют современным представлениям, в конце страницы приведены поясняющие примечания.

Эта книга была написана сто лет назад, то есть довольно давно, поэтому некоторые понятия в ней не полностью соответствуют тому, как мы их понимаем сегодня. В то же время следует отметить, что взгляды Вебера, изложенные в этой книге, не являются полностью ней-

тральными и объективными: любому произведению трудно избежать влияния исторического контекста и социальных условий, и Вебер не является исключением. Многие из его взглядов имеют свои ограничения, и часть содержания не всегда применима к современности. Кроме того, в силу ограничений той эпохи и различных других причин в книге Вебера могут встречаться определенные неточности в представлении о древнем Китае.

Однако, будучи трудом, написанным сто лет назад, изложенные Вебером в книге взгляды помогают нам ясно осознать взаимосвязь между экономическим и культурным развитием, и, возможно, это является самым важным уроком, который дает нам эта книга. В связи с ограниченными возможностями редакции, если в тексте встретятся неточности, просим читателей высказывать свои замечания и предложения.

Разъяснение понятий

1. Основные понятия

А. Любое действие, целью которого является достижение желаемой выгоды или возможность распоряжаться этой выгодой[1], мы можем назвать «экономическим». Экономические цели могут преследовать самые разные виды деятельности: например, это может касаться деятельности художника; то же самое относится и к военным действиям, если в их подготовке и ведении используются экономические цели и средства. Однако в первоначальном значении этого слова «экономическое» может означать лишь мирное использование способности распоряжаться, причём эта способность изначально направлена на достижение экономической цели. Одной из характеристик способности распоряжаться является распоряжение собственным трудом. Раб, гонимый кнутом, является лишь инструментом своего хозяина, его экономическим средством, но не действует экономически для себя самого. То же самое относится и к рабочим на фабриках: хотя они и ведут хозяйство для обеспечения собственного быта, на фабрике они являются лишь техническими инструментами труда. Характеристика мирности также является необходимой и неотъемлемой. Ибо различные формы фактического насилия (такие как грабеж, война, революция и т. п.), хотя и могут преследовать экономические цели, подчиняются иным законам и отличаются от деятельности, осуществляемой мирными средствами. Однако, судя по историческому опыту, за любой экономической деятельностью обязательно стоит принуждение — сегодня это принуждение со стороны государства, в древности — со стороны сословных классов, а в будущем, когда будут реализованы социалистические или коммунистические экономические системы, не исключено, что для осуществления их планов по-прежнему потребуется принуждение. Тем не менее, такое насилие мы не можем называть «экономическим делом» — оно является лишь средством ведения экономической деятельности. Кроме того, экономическая деятельность часто сопряжена с дефицитом средств, и в этом заключается её цель, что также важно: для удовлетворения стремления к полезности необходимо рационально использовать ограниченное количество средств.[2] Следовательно, существует тенденция к рационализации экономической деятельности (хотя она и не всегда может быть полной) — таким образом, в конечном счёте становится ясно, что под экономикой понимается деятельность, объединенная собственной способностью распоряжаться ресурсами и определяемая стремлением к полезности и возможностям её получения. В этом смысле «экономическое единство» (экономическая группа), когда его поведение исходит из более или менее самодостаточной группы по отношению к внешнему миру, всегда представляет собой саморегулируемую группу, то есть группу, способную определять своих лидеров и изначально ставящую экономику в качестве цели, чьи действия не носят случайного характера, а являются результатом непрерывного процесса. Наиболее важным из этих аспектов является именно то, что его целью изначально является экономика; именно это и придает экономической группе её характерные черты. Другие группы отличаются от неё: хотя они и «вторгаются» в «экономическую жизнь», сами по себе они не являются экономическими группами. Среди таких групп есть те, чьи цели изначально лежат в другой сфере, а экономические цели носят лишь второстепенный характер (группы, оказывающие экономическое воздействие); некоторые же сами по себе не имеют никакого отношения к экономике, но их деятельность направлена на то, чтобы привести экономическое поведение других в соответствие с общими законами, то есть «формально упорядочить» его (общества, обеспечивающие порядок); либо конкретно вмешиваться в экономическое поведение и «существенно контролировать» его (общества, осуществ-

ляющие экономический контроль). Одно и то же общество может, в зависимости от обстоятельств, относиться к нескольким из этих форм.

Б. Экономическая деятельность может преследовать следующие цели: (1) планомерное распределение располагаемой полезности: (а) между настоящим и будущим; (б) между различными возможными способами использования в настоящем; (2) планомерное создание ресурсов, которые нельзя использовать непосредственно, но которыми можно распоряжаться (это и есть «производство»); (3) стремление к приобретению права распоряжения или совместного права распоряжения полезностью, находящейся под контролем других экономических субъектов, независимо от того, доступна ли она к потреблению в данный момент. Что касается последнего случая, то для достижения этой цели мирным путем в соответствии с экономическим смыслом можно использовать такие средства, как организация экономической регулирующей группы (состоящей из лиц, обладающих правом распоряжения) или обмен. Организации экономического регулирования могут быть самых разных видов. Одним из них является управляющая организация (плановая экономика). Под этим термином подразумевается единый орган экономического руководства, то есть группа, состоящая из единого экономического целого, действующая под плановым руководством одного руководства, причем под «плановым» понимается получение, использование или распределение полезности (например, организация «военной экономики» во время мировых войн является наглядным примером). Каждое отдельное предприятие, присоединившись к этой организации, ведет свою деятельность, ориентируясь на план, разработанный этим руководящим органом. Второй тип — это регулирующие организации. Такая организация, хотя и не осуществляет единого руководства отдельными действиями, тем не менее регулирует экономическую деятельность отдельных экономических организаций, не допуская возникновения взаимной конкуренции между ними. Важнейшими методами для этого являются рационализация потребления и рационализация получения. Например, рыболовецкие кооперативы, животноводческие кооперативы, сельскохозяйственные кооперативы, отраслевые объединения и т. п. являются примерами рационализации; среди них есть как те, что касаются сырья, так и те, что касаются возможностей сбыта, что косвенно способствует рационализации потребления — таких примеров, конечно, много. Современные отраслевые альянсы также часто относятся к этой категории.

Обмен можно разделить на два вида: первый — случайный обмен, который является самой древней формой обмена. Это означает, что излишки случайно отдаются в обмен, но основной упор в жизни по-прежнему делается на товары собственного производства. Второй вид — рыночный обмен, тенденция к которому прослеживается в том факте, что всё производится исключительно для обмена, и в то же время всё потребляется исключительно для обмена. Иными словами, его цель заключается в наличии рыночных возможностей. Везде, где рыночный обмен доминирует в экономике, мы говорим о наличии экономики обмена.

Любой обмен основан на мирной борьбе между людьми, то есть на борьбе за цену, на хитрости (по отношению к партнеру по обмену) и на конкуренции (по отношению к тем, кто преследует те же цели обмена), и приводит к некой гармонии, которая приносит выгоду одной или нескольким сторонам-участникам, после чего борьба заканчивается.

Обмен может подчиняться формальному правовому регулированию, как это имеет место в условиях свободного капиталистического хозяйства; но он может также подчиняться материальному регулированию (истинный регулируемый обмен), причем регуляторами могут выступать профессиональные объединения, монопольные предприниматели, монархи и т. п., чьи точки зрения полностью различаются (например, регулирование цен в интересах жизнеобеспечения населения и т. д.).

Обмен можно разделить на два вида: естественный обмен и денежный обмен. С появлением денежного обмена становится технически возможным полное подчинение деятельности рыночным возможностям.

В. Средство обмена — это предмет, который в особой форме (то есть в постоянном обращении и в больших количествах) принимается людьми во время обмена, поскольку все предвидят, что этот предмет можно будет вновь использовать для обмена. Средство обмена и средство платежа не совпадают безоговорочно. Ибо средство платежа — это, прежде всего, средство погашения обязательств, то есть определённое средство исполнения долга. Однако не все виды долгов обязательно возникают в результате купли-продажи; примерами могут служить налоги, дань, приданое, подарки и т. п. Не все средства платежа, существовавшие в экономической истории прошлого, были средствами обмена. Например, в Африке это было средством платежа, но не средством обмена. Даже там, где средства обмена используются в качестве средств платежа, не все средства обмена могут без ограничений служить средствами платежа. Монгольский хан приказал своим подданным использовать бумажные деньги, но при уплате налогов бумажные деньги не принимались. Что касается различных видов вознаграждения, то не каждое средство платежа может использоваться в качестве средства платежа. Например, в Австрии[3] когда-то существовала определённая монета, которую можно было использовать только для уплаты таможенных пошлин. Если проанализировать историю, то видно, что различные средства обмена также не могут использоваться в качестве средств обмена во всех случаях. Например, в Африке за ракушечную монету нельзя было купить женщину — её можно было приобрести только за быка.

Деньги представляют собой средство платежа, а в определённой группе людей также служат средством обмена, поскольку их можно разделить в соответствии с их индивидуальной стоимостью, что делает их поддающимися исчислению средствами платежа. Однако эта техническая функция не связана с конкретной внешней формой денег. Например, резерв банковских денег в Гамбурге (Hamburg) фактически восходит к некой китайской практике: достаточно наличия серебряного резерва, а какую форму принимает это серебро — не имеет значения. Однако выпущенный на этой основе вексель является деньгами.

Экономика, в которой не используется денежное обращение, называется натуральной экономикой; напротив, экономика, в которой используется денежное обращение, называется денежной экономикой.

Натуральная экономика может представлять собой экономику, способную удовлетворять свои потребности без какого-либо обмена. Например, потребности землевладельца могут быть удовлетворены за счёт перекладывания расходов на экономику отдельных крестьян, или, как в случае самодостаточной семейной экономики (ойкос), также. Однако чистая натуральная экономика стала крайне редким исключением. В рамках натуральной экономики также может иметь место экономический обмен, но при полном отсутствии денег; это и есть натуральная обменная экономика. Такая форма экономики никогда не сформировалась полностью, а зачастую существовали лишь приближенные к ней формы. В Древнем Египте временами практиковалась денежно-измерительная экономика, сосуществовавшая с натуральным обменом. Это означает, что перед количественным обменом «вещь на вещь» обе вещи сначала измерялись с помощью денег, а затем производился обмен.

Денежная экономика позволяет отделить процесс обмена от конкретных людей и времени, что решает проблему согласования средств обмена между сторонами; благодаря этому становится возможным расширение рынка, то есть расширение рыночных возможностей. Прогнозирование будущего состояния рынка на основе текущей ситуации, позволяющее экономической деятельности не зависеть от сиюминутных обстоятельств, также возможно только после оценки возможностей обмена с помощью денег. Именно в этой функции денег — то есть в том, что они делают расчёты возможными, давая нам общий стандарт, по которому можно оценивать все товары, — заключается их наибольшее значение. Почему? Потому что только благодаря деньгам появляется предпосылка для рациональности расчётов в торговле (rech verische Rationalität des Handels), и только тогда «расчёт» становится возможным. С одной

стороны, расчёт позволяет «коммерческой экономике» полностью ориентироваться на рыночные возможности, а с другой — в сфере «домохозяйства» обеспечивает возможность реализации «экономического плана» (касающегося использования располагаемой денежной суммы) в соответствии с критерием «предельной полезности» этой суммы.

Д. Две основные формы экономической деятельности — домашнее хозяйство и коммерческая деятельность — часто сочетаются друг с другом через множество промежуточных стадий, но в своей чистой форме они концептуально противоположны. Домашнее хозяйство — это «экономическая деятельность», целью которой является удовлетворение собственных потребностей, независимо от того, идет ли речь об удовлетворении потребностей государства, отдельного человека или группы потребителей. Напротив, цель коммерческой деятельности заключается в возможности получения прибыли, в особенности в возможности получения прибыли от обмена. В условиях денежной экономики сфера домашнего хозяйства охватывает имущество и доход. Разумеется, можно также выделить природный доход и природное владение. Однако доход и имущество приобретают общий знаменатель только после того, как их можно оценить в денежном выражении. Кроме того, мы должны опираться на экономику обмена (целью которой является денежная экономика), чтобы рассматривать имущество как единое целое. В этом смысле можно понять, что под доходом понимается возможность распоряжаться в течение определенного периода времени определенным объемом товаров, оцениваемым в денежном выражении; напротив, под имуществом понимается владение товарами, имеющими денежную стоимость, которые могут использоваться в домашнем хозяйстве в долгосрочной перспективе и с помощью которых можно получать доход. Наконец, можно понять, что под «предприятием» понимается вид коммерческой деятельности, направленной на получение прибыли от обмена и ориентированной на рыночные возможности. В этом смысле «предпринимательская деятельность» может быть как случайной — например, отдельное однократное плавание, из чего и возник договор «комменда» (Commenda), характерный для ранней стадии развития капиталистической организации; — так и постоянной. Цель любого предприятия заключается в возможности получения прибыли. Иными словами, речь идет о стремлении получить прибыль, превышающую денежную стоимость средств, задействованных в предпринимательской деятельности. При ведении предпринимательской деятельности обязательно производится расчет капитала, то есть на основе баланса определяются меры по вычету и расчету отдельных статей, которые тем самым становятся объектом расчета, то есть объектом расчета возможностей получения прибыли от обмена. Что такое капитальный расчёт? Это вложение товаров в предприятие по их оценочной денежной стоимости, а по окончании деятельности предприятия или по итогам отчётного периода (путём сравнения первоначальной и конечной стоимости капитала) определение прибыли или убытка в денежном выражении. После того как капитальный расчёт стал повсеместным, обмен и производство товаров стали осуществляться с целью капитального расчёта, а значит, с целью использования рыночных возможностей.

Домохозяйство и коммерческая деятельность в настоящее время разделились и стали отдельными непрерывными видами деятельности. В XIV–XV веках, например, в семье Медичи[4] (Medici), разделение домохозяйства и коммерческой деятельности ещё не было осуществлено. Однако сегодня это разделение стало принципом. Более того, домохозяйство и ведение бизнеса разделились не только внешне; это уже имеет место в арабских[5] странах в отношении вейриен. В бухгалтерском учёте, то есть в расчётах, это разделение особенно строго соблюдается: в балансовой ведомости прибыль должна быть отражена, чтобы поступить в семейный бюджет; это касается как частных лиц, так и акционерных компаний. Экономика, ориентированная на получение прибыли, и домашнее хозяйство принципиально различаются, поскольку первая, в отличие от второго, ставит своей целью не предельную полезность, а возможность получения дохода (сама по себе возможность получения дохода, в свою очередь, зависит от взаимосвязи предельных полезностей конечных потребителей). Следова-

тельно, денежные расчеты в домашнем хозяйстве, в конечном счете, так же, как и в коммерческой деятельности, должны опираться на рыночные возможности, то есть на мирную конкуренцию между людьми. Поэтому деньги, в отличие от других измерительных инструментов, не являются абсолютно безопасным мерилом, а денежная цена становится согласованным результатом рыночной конкуренции — незаменимым критерием оценки в расчетах капитала, который можно получить только в результате конкуренции между людьми на рынке. Таким образом, денежная экономика обладает «формальной» рациональностью, отличающейся от любой «естественной» экономики (будь то экономика самообеспечения или экономика обмена). Так называемая формальная рациональность денежной экономики заключается в максимальной «возможности расчёта», то есть в полной возможности расчёта как уже реализованных, так и ожидаемых в будущем возможностей получения прибыли и понесения убытков. Все формально рациональные функции расчёта капитала невозможно заменить какими-либо другими методами расчёта; более того, даже замена расчёта «всеобщей статистикой» — этим весьма развитым методом естественного расчёта, предложенным социалистами, — не может их заменить. Если же захотят отменить расчёт капитала, то для обеспечения его рациональности необходимо изобрести техническое средство, которое могло бы заменить его, с тем чтобы с помощью этого средства можно было бы достичь той же задачи, которую выполняют деньги и денежные цены, служа очень удобным общим знаменателем.

2. Типы организационных структур в экономике

Основополагающим фактом современной экономической жизни является профессиональная организация, то есть дифференциация человечества по профессиям (так обстоит дело во всех «развитых» экономических системах).

В экономической науке под профессией понимается непрерывное осуществление человеком полезной деятельности, основанной на обеспечении средств к существованию или извлечении прибыли. Профессиональная деятельность может осуществляться внутри некой общины (например, поместья, деревни, города) или в рамках обмена на рынке (например, рынке труда, рынке товаров). Профессиональная организация не всегда существовала, а даже если и существовала, то не обязательно имела столь обширные масштабы, как сегодня.

С экономической точки зрения вклад человека можно разделить на два вида: организационный вклад и практический вклад. Последний мы называем трудом, а первый — управлением трудом. Существуют различные виды управления трудом. Если рассматривать вопрос с технической точки зрения, то основанием для классификации может служить то, как вклад каждого (в рамках одной экономической системы) распределяется между отдельными работниками и каковы их взаимные отношения. Если же рассматривать с более широкой экономической точки зрения, то основой для классификации может служить то, как вклад распределяется между различными видами экономической деятельности и каковы взаимоотношения между ними.[6]

А. Техническое распределение и объединение трудового вклада (разделение труда и сотрудничество): его возможности можно различать в зависимости от видов вклада, присущих личности отдельного человека, а также в зависимости от видов взаимоотношений между многими людьми, участвующими в совместной деятельности, или же в зависимости от видов взаимоотношений между средствами получения благ (например, средствами производства, транспорта, удовлетворения потребностей) и трудящимися.

(1) Вклад каждого трудящегося может быть интегрированным или дифференцированным. Под интеграцией понимается, что один и тот же трудящийся может вносить вклад различного характера (например, сельскохозяйственный труд и побочная промышленная деятельность, сельскохозяйственный труд и сезонный труд). Под дифференциацией понимается, что вклады, различающиеся по своему характеру, предоставляются разными людьми. Эту дифференциацию можно далее разделить: в зависимости от характера конечного результата она может представлять собой «специализацию вкладов» (например, ремесла в средневековье) или, как в случае с фабриками в новое время, специализацию, направленную на «взаимодополняющие вклады», то есть разделение единого вклада на взаимодополняющие части (разделение труда).

(2) Объединение различных вкладов в одно целое приводит к одному и тому же результату, однако в зависимости от того, является ли это объединением вкладов одного и того же рода или вкладов различного характера, такое объединение можно назвать «накоплением вкладов» или «объединением вкладов». В любом случае речь идет о технологическом процессе, независимо от того, являются ли вклады параллельными (то есть взаимонезависимыми и осуществляемыми отдельно друг от друга) или уже технически объединенными в единый целостный вклад.[7]

(3) Если проводить разграничение по видам средств приобретения вещей и средств производства, то можно выделить чисто трудовой вклад, а также вклад, связанный с производством, закупкой или транспортировкой товаров. При переработке и изготовлении товаров всегда требуются стационарные установки (предоставленные природой или механизированное силовое оборудование, а как минимум — оборудование для труда, подобное заводскому),

а также рабочие инструменты, приспособления, машины и другие средства труда. Рабочие инструменты представляют собой вспомогательные средства труда, приспособленные к органическим функциям человека. Напротив, средства труда, которые человек «использует», приспосабливая к ним свои собственные функции, мы называем приспособлениями. А под механизмами понимаются механизированные, то есть автоматические приспособления (их завершенная форма — «автоматы»). Роль приборов заключается не только в их особых функциях, независимых от органических условий труда, но, прежде всего, в том, что их полезность поддается расчёту; этот аспект имеет огромное значение для экономики, в которой конечной целью является расчёт капитала. Использование механизированных трудовых приборов должно основываться на условии их экономически эффективного применения, иными словами, на условии наличия значительного спроса, обладающего покупательной способностью. Механизированные трудовые приборы могут эффективно использоваться только при наличии такого значительного спроса.

Б. Существует множество вариантов экономической организации трудового процесса; их можно различать по тому, как распределяется полезность между различными видами экономической деятельности, а также по тому, как распределяются экономические возможности (то есть как формируется порядок собственности).[8]

Ситуация с объединением и распределением полезности в экономическом подходе аналогична ситуации в техническом подходе. Объединение полезности может осуществляться в рамках единой экономики, характеризующейся как технической специализацией, так и технической интеграцией. Такая единая экономика может представлять собой одно хозяйство, но при этом крупное (например, югославская семейная община, то есть «задруга» (Zadruga) [9], которая иногда осуществляет обмен с внешним миром, но, как правило, уже имеет внутреннюю техническую специализацию), или же коммерческую экономику (например, завод, являющийся единой экономикой, который внутри себя осуществляет специализацию и объединение функций; или, идя ещё дальше, объединять угледобычу и металлургию, создавая так называемые смешанные предприятия; или, например, объединения предприятий, представляющие собой союз нескольких экономических единиц, ориентированных на получение прибыли и в той или иной степени подчиняющихся единому руководству финансовых монополистов). Однако это также может представлять собой специализированное распределение функций между несколькими более или менее автономными экономическими единицами. В этом случае может иметь место либо полная экономическая автономия отдельных экономических единиц (это и есть функциональная специализация между полностью автономными экономическими единицами; типичным примером является экономика обращения XIX века), либо частичная зависимость от внешних факторов, то есть когда отдельные экономические единицы, хотя и являются автономными в отношении многих вопросов, тем не менее ориентируют свою экономическую деятельность на соблюдение порядка, установленного вышестоящей организацией. Что касается этой вышестоящей группы, то здесь также можно выделить различные варианты в зависимости от того, носит ли она характер домашнего хозяйства или коммерческой экономики. В первом случае такая группа ведет свою деятельность с целью удовлетворения потребностей своих членов. Таким образом, его организационная структура может носить кооперативный характер, как, например, в индийских деревнях: ремесленники там не обладают автономией, а являются лишь наемными работниками, получающими землю от сельских объединений; их труд может оставаться совершенно неоплачиваемым или же вознаграждаться фиксированной суммой. В противном случае структура носит директивный характер, как, например, в средневековой манориальной системе. В рамках манориальной системы феодал занимал превосходное положение и мог распоряжаться определенными экономическими благами, а его дом превращался в огромное хозяйство. Напротив, если вышестоящая организация преследует коммерческие цели, то характер объединения ее функций может быть как

кооперативным, так и доминирующим. Например, внутри одного предпринимательского объединения (в широком смысле этого слова) отношения носят кооперативный характер, но если коммерческая деятельность феодала осуществляется над экономической деятельностью крестьян и ремесленников, то она становится доминирующей.

B. Частная собственность, то есть все виды и формы собственности.

С точки зрения экономики значение понятия «собственность» не может полностью совпадать с юридическим понятием. Например, отношения между заказчиком и поставщиком, которые можно наследовать, продавать и делить, с точки зрения экономической науки также являются собственностью. Более того, фактически эти отношения в индийском праве действительно рассматриваются как объект собственности.

Следовательно, возможности труда, то есть трудовое положение, а также связанные с ним возможности получения прибыли, могут находиться в частной собственности; кроме того, средства приобретения вещей, а также руководящее положение предпринимателя также могут находиться в частной собственности. Иными словами, все вышеперечисленные виды могут выступать в качестве объектов порядка собственности.

(1) В отношении частной собственности на трудовое положение существуют следующие крайности: во-первых, отсутствие какой-либо частной собственности на трудовое положение, когда каждый может свободно продавать свою рабочую силу, что приводит к существованию свободного рынка труда. Во-вторых, личность работника рассматривается как объект, относящийся к трудовому положению, то есть находящийся в частной собственности одного владельца, в результате чего работник становится несвободным работником или рабом. Во втором случае также существуют различные возможности. Например, в Западной Европе до XVI века были случаи, когда невольный труд использовался для ведения хозяйства, или, как в древности у феодалов, когда рабам предоставлялась свобода труда и свобода получения прибыли, но при этом с них взималась рента — это и есть использование невольного труда в качестве источника прибыли. Есть также примеры, такие как сельскохозяйственные колонии Карфагена и Рима, а также переселение чернокожих рабов в Америку, когда несвободный труд использовался в качестве рабочей силы. Однако между этими крайностями существует бесчисленное множество промежуточных стадий. Кроме того, трудящиеся также могут превратить своё трудовое положение в частную собственность. При этом оно может находиться в частной собственности отдельных трудящихся или же какой-либо группы (организованной группы трудящихся). Такие группы могут обладать различной степенью эксклюзивности и, в зависимости от методов контроля над желаемыми результатами и возможностями, в той или иной степени обеспечивать каждому работнику исключительное право на его трудовое положение. Крайней степенью этого явления является наследственная частная собственность, например, положение ремесленников в индийских кастах, слуги при дворе или положение крестьян на поместьях. Минимальная степень, с другой стороны, может заключаться в защите от произвольного увольнения (современная система производственных советов можно считать зарождением своего рода «права» фабричных рабочих на свое трудовое положение). Помимо трудового положения, такая организация может контролировать и многие другие аспекты, такие как трудовой процесс (например, запрет средневековых цехов на применение пыток к подмастерьям), качество труда (например, в шелкоткацкой промышленности Вестфалии до XIX века), вознаграждение (установление цен, как правило, с целью исключения конкуренции путем фиксации минимальных цен), а также организацию деятельности (районы обслуживания трубочистов) и т. д. От этой крайней точки пролегает бесчисленное множество промежуточных ступеней вплоть до полного отсутствия обязательств по уплате взносов и контроля над возможностями.

(2) Частную собственность на средства приобретения материальных благ можно разделить следующим образом: а именно

(a) частная собственность на средства производства, принадлежащая трудящимся, причем часть из них принадлежит отдельным трудящимся, а часть — группам трудящихся. Первая категория представляет собой индивидуальную частную собственность, которая может проявляться по-разному: в зависимости от того, используются ли эти средства производства для удовлетворения личных потребностей и ведения домашнего хозяйства (особенно в условиях типичной системы мелкого капитализма) или для получения прибыли на рынке. Групповая собственность, в свою очередь, может быть разделена на две формы — акционерную и коммунистическую — в зависимости от того, распределяются ли результаты использования между отдельными лицами или остаются в общем пользовании. Однако эти две системы, как правило, смешаны. При этом их использование может по-прежнему служить для ведения домашнего хозяйства или для извлечения прибыли [например, в России «мир» представляет собой форму совместной собственности, предназначенную для ведения домашнего хозяйства, тогда как в древнегерманской аграрной системе имела место частная собственность с долевым участием. В то же время в России «артель» служит для извлечения прибыли; артель стремится обеспечить трудящимся частную собственность на средства производства].[10]

(b) Исключительное право собственности может также перейти в руки одного собственника, который не является трудящимся. В таком случае происходит отделение трудящегося от средств производства. Здесь также могут возникать отличия в зависимости от того, как собственник использует средства производства, приобретённые на основе исключительного права собственности. Владелец может использовать их в рамках своего домашнего хозяйства в патерналистском духе [например, так обстоит дело с обширной экономикой фараона (Pharao) в Новом царстве Египта; он был владельцем всех земель, за исключением храмовой собственности].

И наоборот, средства производства, находящиеся в частной собственности, могут также использоваться в качестве капитальных средств в собственном предприятии с целью извлечения прибыли (например, капиталистическое предприятие, основанное на частной собственности на средства производства). Наконец, они могут использоваться в целях кредитования; такое кредитование может осуществляться как в отношении домашнего хозяйства (например, древние помещики по отношению к подчиненным им мелким фермерам), так и в отношении лиц, преследующих коммерческие цели. В таком случае средства производства могут передаваться в распоряжение должника в качестве средств труда, предназначенных для него (например, орудия труда, являющиеся частной собственностью мелких крестьян и рабов), или передаваться предпринимателю для использования в капиталистических целях. В этом случае собственник и предприниматель становятся разными лицами.

(3) Помимо исключительного права на трудовой статус и материальные средства труда, может существовать также исключительное право на руководящую роль. Это исключительное право часто сопровождается отделением работника от средств получения дохода; хотя владение им носит лишь ссудный характер, оно позволяет обеспечить функционирование предпринимателя и одновременно превращает работника (раба) в частную собственность.

Возможность, возникающая на основе отношений между собственником и руководителем предприятия, заключается в разделении и объединении личностей. В первом случае собственник может использовать своё имущество для ведения домашнего хозяйства, становясь таким образом заинтересованной стороной в отношении имущества, — типичным примером чего являются так называемые в новейшей истории «живущие на доходы», — или, как в случае с банками, может инвестировать часть находящихся в его распоряжении средств в промышленные предприятия, становясь заинтересованной стороной в получении прибыли.

Однако в любом случае, поскольку руководящая роль принадлежит исключительно собственнику, в результате неизбежно происходит разделение домашнего хозяйства и коммерческой деятельности. Это разделение является характерной чертой современной экономической

системы и, кроме того, обеспечивается законодательно. В этих условиях критерием коммерческой деятельности является ориентация её целей на принцип извлечения прибыли. Однако, поскольку с другой стороны коммерческая деятельность сопряжена с исключительным правом на средства получения прибыли, в результате интересы личной собственности (которые с точки зрения коммерческих соображений являются нерациональными выгодами) оказываются подчиненными методам ведения коммерческой деятельности. Этот вопрос становится особенно заметным при разделении предпринимателя и собственника, поскольку в данном случае исключительное право на средства получения дохода может стать объектом частной спекуляции или же объектом спекулятивной банковской политики и политики предпринимательских альянсов, в результате чего возникают нерациональные последствия, хотя по своему характеру они и носят спекулятивный характер, направленный на извлечение прибыли.

3. Особенности экономической истории

Исходя из вышесказанного, можно сделать некоторые выводы о задачах экономической истории: во-первых, задача экономической истории заключается в изучении характера распределения и объединения полезности в различные эпохи. Первый вопрос заключается в том, как в тот или иной период распределяется, специализируется и объединяется экономическая полезность, причем это следует рассматривать с технической и экономической точек зрения, учитывая все виды порядка и связывая их между собой. Этот вопрос одновременно является вопросом о классах и затрагивает проблему общего социального устройства. Во-вторых, второй вопрос заключается в изучении того, как в данных условиях используются специфические функции и возможности: для ведения домашнего хозяйства или для извлечения прибыли? Отсюда возникает третий вопрос — вопрос о взаимосвязи между рациональностью и нерациональностью в экономической жизни. Современная экономическая система, благодаря широкому распространению бухгалтерского учета, достигла высокой степени рационализации. Поэтому вся история экономики в определенном смысле и в определенных пределах представляет собой историю экономического рационализма, который сегодня уже достиг успеха, основанного на расчетах.

Степень экономического рационализма в древности варьировалась. Изначально преобладал традиционализм, то есть сохранение старых обычаев: всё, что было передано из прошлого, даже если оно давно утратило первоначальный смысл, по-прежнему передавалось последующим поколениям. Этот этап уходил в прошлое крайне постепенно, поэтому в экономической истории нельзя было не учитывать факторы, не имеющие экономического характера, — различные факторы, относящиеся к сфере вне экономики, такие как магические и религиозные элементы, направленные на обретение «священного богатства», политические элементы, направленные на обретение власти, а также интересы, связанные с социальным статусом и классовой принадлежностью, направленные на обретение чести, и т. д.

Современная экономика, по крайней мере в том, что касается коммерческой деятельности, в принципе обладает экономической саморегуляцией, руководствуется исключительно экономическими соображениями и отличается высокой степенью расчетной рациональности. Однако в эту формальную рациональность часто все же проникает фактическая нерациональность, обусловленная распределением доходов: в определенных обстоятельствах это приводит (если рассматривать с точки зрения наиболее эффективного производства богатства) к фактически нерациональному распределению богатства, либо обусловлено интересами домашних хозяйств и спекулятивными интересами, что с точки зрения коммерческой деятельности также носит нерациональный характер. Однако борьба между формальной и существенной рациональностью в сфере культуры не ограничивается только экономикой. В правовой сфере также наблюдается борьба между формальным применением закона и концепцией существенной справедливости.[11] (То же самое имеет место и в искусстве, например, в противостоянии классического и неклассического искусства, где борьба фактически обусловлена конфликтом между потребностью в существенном выражении и формальными средствами выражения.)

Наконец, следует отметить ещё один момент: история экономики (особенно история классовой борьбы) вовсе не является, как хочет заставить поверить материалистическая концепция истории, тождественной истории культуры в целом. История культуры в целом не проистекает из истории экономики и не является лишь её функцией. На самом деле история экономики представляет собой одну из базовых структур — без понимания истории экономики невозможно исследовать ни одну из обширных областей культуры.

[1] Материальные блага не входят в сферу данного рассмотрения; мы всегда рассматриваем их с точки зрения возможности их использования, например, их тяговой силы, ударной

силы, грузоподъемности и т. д. Полезность всегда индивидуальна: например, если говорить о лошади, то «лошадь» — в данном контексте и в данном смысле — не является объектом экономики, а объектом является лишь её индивидуальная полезность. Для простоты полезность вещей можно называть «богатством», а полезность человека — «использованием».

[2] Следовательно, под «экономическим вопросом» часто подразумевается: сравнение различных целей использования и выбор одной из них. Техническое проектирование же заключается в выборе средств для достижения какой-либо заранее определенной цели.[3] Австрия, то есть Австро-Венгерская империя. — Редактор[4] Медичи, в современном написании — Медичи.— Редактор[5] Араб, то есть арабский. — Редактор[6] В первом случае это так же происходит в домах феодалов и на фабриках, где вклад каждого из работников уже специализирован, но не распределяется по различным видам экономической деятельности. Примером второго случая является Verlag, организация в текстильной промышленности, которая заключается в распределении вклада по различным видам экономической деятельности.[7] Что касается группового характера вклада, можно привести конкретные примеры для пояснения. Например, когда несколько человек совместными усилиями поднимают или тянут тяжёлый груз — это накопление труда; а музыкальный ансамбль представляет собой объединение труда.[8] Например, вопрос заключается в том, является ли рабочее место наследственным, можно ли уволить работника в любой момент или он занимает эту должность пожизненно, стали ли средства приобретения предметов частной собственностью и кому они принадлежат, и т. д.[9] «Задруга» — уникальная форма общественной организации у славян, то есть патриархальная большая семья, основанная на родовых связях. — Прим. ред.[10] Таким образом, принцип извлечения прибыли не был устранен, поэтому речь идет о разновидности социализма, в котором прежний класс собственников был заменен новым.[11] Спор между Фридрихом Великим и его правоведами возник именно из-за того, что правоведы, руководствуясь формализмом, опровергали решения Великого, основанные на принципе целесообразности (с точки зрения административного управления и общего использования).

Глава 1.

Домохозяйство, род, деревня и помещичья система — состояние сельского хозяйства

Раздел 1. Организация сельского хозяйства и проблема аграрного коммунизма

Если мы сначала рассмотрим состояние сельского хозяйства (Agrarverfassung), бытовавшее у древних германских народов в XVIII веке, а затем перейдем к древним условиям, о которых пока нет достаточных документальных сведений, то нам следует обратить внимание на территории, изначально заселенные германцами. Поэтому мы должны исключить следующие три местности: во-первых, территорию к востоку от рек Эльбы (Elbe) и Заале (Saal), то есть земли, в древности заселенные славянами; во-вторых, территорию за Лиме (Lime), ранее заселенную римлянами, то есть Рейнский регион, расположенный к югу от границы между Гессеном (Hessen) и окрестностями Бегенсбурга (Begensburg); в-третьих, левый берег реки Везер (Weser), где изначально проживали кельты (Kelt).

Племена, населявшие первоначальные места проживания германцев, жили в деревнях, а не в изолированных усадьбах. Вначале дорог, соединяющих деревни между собой, не существовало вовсе, поскольку каждая деревня была экономически самостоятельной и не испытывала никакой необходимости в объединении с соседними деревнями. Позже дороги появились, но они не были официально проложены, а представляли собой тропы, естественным образом протоптанные по мере необходимости, поэтому они по-прежнему исчезали в любой момент, и только спустя несколько столетий возникла обязанность поддерживать существующие дороги на отдельных участках. В результате такие местности, если смотреть на них с точки зрения современных карт, представляют собой нерегулярную сеть, узловыми точками которой являются места расположения деревень.

Во-первых, в самом внутреннем круге находятся совершенно беспорядочно расположенные участки с домами и огородами, между которыми пролегают извилистые соединительные дороги. Во втором круге — огороженные изгородями сады, так называемые «вурт» (wurt), число которых примерно равно числу домов с огородами. В третьем круге — пахотные земли. Четвёртый круг — пастбища (Almende). Каждая семья имеет право выпасать на пастбище одинаковое количество домашнего скота. Однако это пастбище не является общинным: у каждой семьи есть своя определённая часть, поэтому оно по-прежнему находится в частной собственности. Пятый круг — лес, с которым обстоит дело аналогично, но этот лес не обязательно является придатком деревни. Права на заготовку древесины, сбор коры, корм для свиней и т. п. также равномерно распределены между жителями деревни. Право собственности на дома, хозяйственные постройки, а также на огороды, пахотные земли, пастбища и леса в целом называется правом на землю и жилище [Hufe — это слово связано по этимологии со словами habe, haben (иметь)].

Площадь пахотных земель делилась на множество частей, так называемых «гевауне» (Gewaune). Гевауне, в свою очередь, подразделялись на участки, ширина которых не обязательно была одинаковой, причём некоторые из них были удивительно узкими. Каждый крестьянин в деревне имел право на один такой участок в каждом гевауне, поэтому права собственности на землю изначально были равны для всех. Разделение пахотных земель на «гевауне» объяснялось стремлением обеспечить как можно более равное распределение выгод и убытков, связанных с плодородием или бесплодием той или иной земли, между всеми жителями. Именно по этой причине возникла «рассеянная форма собственности». Существовала и другая выгода: в случае стихийных бедствий, таких как град, все в равной степени несли ущерб, благодаря чему риск для каждого отдельного человека уменьшался.

Разделение пахотных земель на длинные полосы (в отличие от римлян, которые использовали исключительно квадратные участки) связано с особенностями германского плуга. Плуг представлял собой крюкообразный инструмент, который сначала повсеместно использовался

вручную, а впоследствии — с помощью животных, и предназначался исключительно для рытья земли и прокладки бороздок. Поэтому все народы, не вышедшие за пределы этапа использования крючкообразного плуга, для того чтобы почва стала рыхлой и мягкой, вынуждены распахивать поля в продольном и поперечном направлениях. Таким образом, наиболее подходящим способом разбиения пахотных земель является квадратное разбиение; этот метод можно было наблюдать в Италии уже со времён Цезаря[1] (Caesar), и его до сих пор можно увидеть на картах Кампаньи (Campagna), причём его внешние очертания служат границами между отдельными участками земли. Напротив, немецкий плуг, насколько мы помним, состоит из лемеха, вертикально вскрывающего почву, отвала, проходящего по почве горизонтально, и отбрасывателя, переворачивающего почву и расположенного справа; при использовании такого плуга нет необходимости в дополнительной проходке поперечных и продольных борозд. Наиболее подходящим способом использования такого плуга является разбиение земли на длинные полосы. В этом случае размеры отдельных полос, как правило, определяются объемом работы, который один бык может выполнить за день без переутомления (отсюда и появились термины «Mocgen» (работа за один день) и «Tagwerk» (однодневная вспашка) для обозначения единицы измерения).

Со временем такой способ разбиения земли стал вызывать значительные неудобства, поскольку с правой стороны плуга установлен отвальный брус, из-за чего плуг постоянно имеет тенденцию уходить влево. В результате борозды становились неровными, а поскольку между отдельными участками вначале не было границ, чужие участки легко подвергались захвату. Поэтому приходилось заново прочерчивать первоначальные границы. Сначала это делали судьи по земельным спорам (Feldgeschworene) с помощью шеста, позже — с помощью так называемого Sprungyirkel (двуножного прибора с пружинным механизмом). В Шлезвиг-Гольштейне (Schleswig-Holstein) для этого использовался метод измерительной веревки (Reelbning).

Поскольку между отдельными участками пахотных земель не было проходных дорог, возделывание земель могло осуществляться только по общему плану и исключительно одновременно. Обычно применялась система трехпольной ротации. Хотя эту форму ведения хозяйства нельзя назвать самой древней среди германских народов, она, безусловно, была наиболее распространенной. Её применение можно проследить, по крайней мере, до VIII века, поскольку уже около 770 года в древних документах монастыря Лорш (Lorsch) в Рейновом регионе она рассматривалась как нечто само собой разумеющееся.

Так называемое трехпольное земледелие заключается в том, что все пахотные земли деревни делятся на три участка: на первом выращивают озимые зерновые, на втором — яровые, а третий участок служит паром и не возделывается, чтобы почва могла пополнить запасы питательных веществ, порядок использования этих участков ежегодно менялся: участок, на котором в этом году выращивались озимые зерновые, в следующем году засевался яровыми зерновыми, а через год становился паром; остальные участки также чередовались по этой схеме. Домашний скот зимой содержат в помещениях, а летом выпасают на лугах. Каждый житель обязан соблюдать этот экономический порядок; категорически запрещается отличаться в способах возделывания земли от других членов общины, поэтому действия каждого принудительно подчиняются этому порядку. Староста устанавливает сроки посева и сбора урожая, а также предписывает возвести ограды вокруг полей, на которых выращивают зерновые, чтобы отделить их от земель, находящихся в состоянии покоя. По окончании уборки урожая изгороди немедленно убирают. Те, кто к дню общей уборки ещё не успел собрать урожай, обязаны перегнать свой скот на уже скошенные рисовые поля, чтобы он не помял их собственное зерно.

Поля и дома не только находились в частной собственности каждого человека, но и могли передаваться по наследству. Размеры таких участков могли сильно различаться и практически не совпадали от деревни к деревне. Обычным стандартом считалась площадь в сорок

му (tagwerk), достаточная для пропитания обычной семьи. Огороды и сады на территории участка каждый мог обрабатывать по своему усмотрению. Семья представляет собой небольшую семейную группу, состоящую из родителей и детей; иногда с ними проживают и взрослые сыновья. Кроме того, пахотные земли каждого считаются частной собственностью. Однако пастбища принадлежат общине «Хюфнер» (пользователей земельных участков) — то есть общественному объединению, состоящему из полноправных жителей деревни. Все, кто владел какой-либо долей в любой из этих трёх категорий земель, входили в состав этого сообщества; те, кто не владел землёй вовсе или не имел ни одной доли ни в одном поле или саду, не имели права на пользование усадьбой.

Так называемая «Марк» (Mark) включала в себя леса и пустоши, но не пастбища. Эта территория не принадлежала частной собственности сельской общины, а принадлежала более крупному образованию — союзу нескольких деревень. Возникновение «марк-общины» (Markgenossenschaft) и её первоначальный облик уже невозможно установить, но, в любом случае, это произошло до того, как династия Каролингов (Karolinger)[2] разделила земли на «гане» (gane), и она не была тождественна «сотни» (Hunderkeliaft). Внутри марки существовал высший руководящий орган (Obermarkeramt), связанный с конкретным наследственным поместьем; обычно эту должность занимал сам монарх или помещик. Кроме того, существовал так называемый «лесной суд» (Holzgericht), а также собрание, состоящее из представителей землевладельцев из деревень, входивших в состав марки.

Таким образом, в рамках данной экономической системы между ее членами теоретически существовало строгое равенство. Однако это равенство часто подвергалось расколу из-за различий в количестве потомков, что особенно ярко проявлялось при разделе наследства. В результате, помимо полноправных владельцев земельных участков, появились также владельцы половины участка и владельцы четверти участка. Кроме того, владельцы земельных участков не были единственными жителями деревни. Помимо них существовала ещё одна часть населения — например, вторые и третьи сыновья, не имевшие права на наследование земельных участков и садов.

Эти люди могли проживать за пределами деревни, занимая те места, которые ещё не были заселены, а также получали право на разведение домашнего скота, но при этом должны были уплачивать ренту и плату за пастбища (hufengeld, weidegeld). Их отцы также могли выделить им часть земли на своих огородных участках для строительства жилых домов. Ремесленники и другие работники приезжали извне и не входили в сообщество владельцев земельных участков и домов. Таким образом, среди жителей одной деревни возникло различие между крестьянами и представителями других сословий, которых в Южной Германии называли наемными работниками (seldner или h?usler); в Северной Германии — «brinksityer» или «kossaten».

Последние, поскольку у них был собственный дом, также считались частью деревни, но не имели никаких прав на пахотные земли. Однако если крестьянин с согласия старосты или феодала (первоначально — вождя рода) продавал им часть своих пахотных земель или кто-либо уступал им часть пастбищ, они могли приобрести право собственности. Такие участки назывались «уступленными полями» (walzende?cker) и не подпадали под особые обязательства, связанные с владением усадьбой, а также не подлежали юрисдикции поместного суда, что позволяло свободно их покупать и продавать. С другой стороны, их владельцы не могли пользоваться всеми правами, которыми обладали владельцы усадеб. Число таких людей было немалым, и зачастую до половины сельских пахотных земель составляли именно такие уступленные поля.

Таким образом, крестьянское население, в первую очередь в силу разновидностей землевладения, можно разделить на два различных социальных слоя. С одной стороны — полноправные владельцы усадеб, среди которых также существуют различные категории, с другой — люди, находящиеся вне их сообщества. Однако над полноправными владельцами усадеб суще-

ствует ещё один особый класс собственников. Этот класс, с одной стороны, владеет землёй, а с другой — находится вне сообщества владельцев усадеб. На раннем этапе развития германского сельского хозяйства земли было в избытке, и каждый мог заниматься освоением земель, а также огораживать полученные участки.

Такая огороженная земля (bifang) становилась его собственностью на время возделывания; в противном случае она переходила в общую собственность марка. Для получения такой огороженной земли необходимо было сначала иметь значительное количество скота и рабов, поэтому это было возможно, по-видимому, только для королей, князей и помещиков. Кроме того, король, обладая высшей властью над территорией макке, мог даровать своим подданным земли из своей юрисдикции. Однако эту даруемую землю нельзя рассматривать в одном ряду с землей, переданной в собственность, поскольку последняя, расположенная в лесных районах, имела чётко определённые границы и требовала предварительной расчистки перед возделыванием; однако именно по этой причине на эту землю не распространялись обязательные требования, предъявляемые к пахотным землям, и она находилась в более выгодных правовых условиях. При проведении межевания необходимо использовать специальную шкалу площадей, а именно так называемые королевские усадьбы — квадратные участки площадью от 48 до 50 гектаров.

Древняя германская (помещичья) племенная форма когда-то простиралась за пределы территории между реками Эйбром и Везер, продолжая свою экспансию. Эта форма охватывала следующие территории: (1) Скандинавия ([3] (Skandinavia) [Норвегия до Бергена (Bergen), Швеция до Даль-Эльфа (Dal-Elf)], Датские острова и Гётланд (Gütland); (2) Англия после заселения англосаксами и датчанами (так называемая система «Openfreldystem»); (3) почти вся северная Франция, большая часть Бельгии, в особенности Брабант (Brabant) [однако северная Бельгия, Фландрия (Flander) и часть Нидерландов относились к территории франков (Franku) и имели иную племенную структуру, см. ниже];(iv) в южной части Германии — территория между реками Дунаем (Donau), Иллером (Iller) и Лехом (Lech), Баден (Baden), Вюртемберг (Württemberh) и часть Верхней Баварии (Oberbagern), окрестности Мюнхена (Munchen), особенно район Айблинга (Aibling). В результате колонизации германцами[4] древние германские племенные образования распространились за пределы реки Эльбы на восток, но из-за стремления принять как можно больше переселенцев их структура стала более упорядоченной, и при удобном праве собственности, а также при максимально возможной экономической свободе были построены крупные «уличные деревни». Здесь участки для огородов и жилых домов больше не располагались хаотично, а располагались по обе стороны от деревенских улиц, по одному на каждом участке, образуя длинные полосы, расположенные рядом друг с другом. Однако в этом месте по-прежнему практиковались принудительное распределение земельных наделов и обязательное ведение сельского хозяйства.

Расширение германских племен за пределы их первоначальных территорий сопровождалось весьма заметными изменениями. Наиболее ярко это проявилось в Вестфалии: Вестфалия была разделена рекой Везер на две совершенно разные племенные территории, и германская племенная структура внезапно обрывалась на берегах реки; на левом берегу реки уже можно было наблюдать племенную форму с изолированными усадьбами. Поселений и пастбищ не осталось, а общинные земли сохранились лишь в ограниченном объеме. Изолированные усадьбы вливались в общие марки, которые ранее были неосвоенными землями. Вновь освоенные пахотные земли по-прежнему распределялись между участниками в виде длинных полос, так называемых «Erbexen».

В пределах этого марка вследствие дробления и передачи прав к нему присоединились и другие жители. Эти жители, подобно «Кестенам» на востоке, представляли собой ремесленников, мелких землевладельцев, рабочих и т. п.; они находились в отношениях арендаторов по отношению к «Эрбексенам» или же зарабатывали на жизнь трудом, работая на них. Вестфаль-

ские «Эрбексен», владевшие в среднем около 200 моргенов земли, благодаря своему племенному характеру были более независимыми, чем крестьяне, чья экономическая ситуация была более запутанной; система изолированных усадеб простиралась вдоль реки Везель вплоть до побережья Нидерландов, а также охватывала основную территорию сальских франков (Salische Franken).

На юго-востоке племенные территории Германии примыкали к районам горного хозяйства и племен югославян.

Горная экономика полностью основана на животноводстве и использовании пастбищ; пастбища имеют чрезвычайно важное значение, поэтому все экономические правила вытекают из необходимости регулирования (stuhlung), то есть регулирования равного доступа всех имеющих на это право к пастбищам. Используемый метод регулирования заключается в разделении горных угодий на множество частей (st?sze), то есть на количество пастбищ, необходимое для выпаса одной головы скота в течение года.

В древности экономической единицей югославов в Сербии (Serbia), Банате (Banat), Хорватии (Kroatuia) и других регионах была не деревенская община, а большая семья (zadruga), и вопрос о том, когда именно она возникла, до сих пор остаётся предметом споров. Это была расширенная семья, под руководством главы семьи включавшая в себя даже правнуков; зачастую в ней проживали вместе и уже состоявшие в браке члены семьи; численность всей семьи составляла от сорока до восьмидесяти человек, а экономическая жизнь основывалась на общинном владении. Они не обязательно жили под одной крышей, однако в вопросах ведения хозяйства и потребления действовали как единое семейное сообщество.

Германские формы ведения сельского хозяйства на юго-западе соприкасались с пережитками римского земельного права. Последнее предусматривало наличие помещичьих владений среди небольших участков, принадлежащих крестьянам (kolone). В Нижней Баварии (Niederbayern), Бадене и большей части Вюртемберга наблюдалось частичное смешение этих двух систем. Германская система была особенно слабо выражена на равнинах и в холмистой местности, однако существовали и противоположные ей переходные зоны, а именно: пахотные земли в деревнях, разделённые на самостоятельные участки, на которых распределялись владения отдельных лиц без учёта равенства распределения или даже без каких-либо общих разумных принципов. Что касается так называемого г-ном Майценом («Meitzen») «происхождения распределения в мелких поселениях», то оно также неясно; возможно, оно восходит к практике «предоставления земли несвободным людям».

Происхождение характерного для германцев сельскохозяйственного уклада уже невозможно установить, однако существование этой системы можно подтвердить ещё со времён династии Каролингов. Однако раздел земельных наделов на равные участки — это крайне систематизированный процесс, который не мог иметь место в первобытные времена. Согласно аргументации Мейцена, ранее существовал так называемый метод раздела «центрального моргена» (lagemorgen); под «центральным моргеном» понималась площадь земли, которую один крестьянин мог вспахать с помощью своего скота до полудня, однако размер этой площади зависел от качества почвы, удаленности пахотных земель от жилища и других факторов. Она послужила основой для системы «банге», и именно из-за существования такого метода раздела «банге» везде принимали нерегулярную форму, что значительно отличалось от более позднего метода раздела на равные участки, придававшего «банге» геометрическую форму.[5]

Первоначальная племенная форма в Германии в настоящее время уже не существует; её распад начался очень давно, однако это произошло не вследствие добровольных ограничений со стороны крестьян — поскольку они не обладали такой способностью — а в результате вмешательства сверху. Крестьяне уже давно установили отношения подчинения по отношению к политическому лидеру или феодальному господину. Если они были обычными землевладельцами, то как в экономическом, так и в военном отношении они были слабее землевладельцев,

владевших королевскими землями. В условиях длительного мира интересы дворян постепенно стали смещаться в экономическую сферу.

Часть деятельности дворян по управлению поместьями, вызванная этим, разрушила традиционную сельскохозяйственную организацию, что было особенно заметно в Южной Германии. Например, государственный монастырь в Кемптене (Kempten) уже в XVI веке приступил к так называемому «огораживанию» (Verein?dungen), которое продолжалось вплоть до XVIII века. В результате вновь освоенные пахотные земли были перераспределены, и крестьяне, насколько это было практически возможно, размещали свои огороженные участки (Einodhof) в центре новых пахотных земель. В Северной Германии в начале XIX века с помощью государственной власти были отменены старые законы о распределении пахотных земель.

В Пруссии это осуществлялось с применением жестоких принудительных мер. «Положение о разделе общинных земель» (Gemeinheitsteilungsordnung) 1821 года использовало принудительные меры для изменения системы земледелия, и его введение было вызвано влиянием либеральных идей, выступавших против системы смешанных земель, системы марок и общих пастбищ. В результате общинные земли (то есть смешанные угодья) были упразднены принудительным порядком, а пастбища распределены между крестьянами, вследствие чего крестьяне, находясь под сильным давлением, были вынуждены вести индивидуальное хозяйство. Жители Южной Германии сочли «упорядочение пахотных земель» достаточным.

На каждом участке сначала прокладывалась сеть дорог, соединяющих пахотные земли. Также неоднократно проводились обмены земельными участками. Пастбища сохранились, но в связи с распространением конюшен многие из них были преобразованы в пахотные земли. Такие новые пахотные земли жители отдельных деревень могли использовать для получения дополнительного дохода или для содержания пожилых людей. Особенно широко это было распространено в Бадене. В этом регионе цель обеспечения населения надежными средствами к существованию часто преобладала. В результате сформировались особенно густонаселённые общины. Иммигрантам даже выплачивались поощрительные вознаграждения, что в конечном итоге привело к ситуации, когда в рамках сельских общин возникли попытки провести разграничение между коренными пользователями пастбищ и вновь прибывшими.

Люди нередко видели в германской системе земледелия отголоски первобытного сельскохозяйственного коммунизма, который практиковали все народы, и стремились найти конкретные примеры, прослеживая развитие германской системы земледелия до этапов, уже утратившихся в истории. В ходе таких исследований считалось, что некоторое сходство с германской системой имела шотландская система земледелия до битвы при Каллодене, а именно система «Ранридж», и на ее основе пытались сделать выводы о более ранних этапах развития шотландского земледелия. В Шотландии пахотные земли также делились на участки, образуя систему смешанного землевладения.

Пастбища там также находились в общей собственности, что очень напоминало германскую практику. Однако эти участки каждый год или через определённые промежутки времени перераспределялись методом жеребьёвки, что приводило к формированию слабо выраженной системы деревенского коммунизма. Это совершенно отличалось от «центрального поля», лежащего в основе древнейшей и непосредственно наблюдаемой германской системы распределения пахотных земель. Наряду с этой системой и нередко в связи с ней существовал обычай «Cyvvar» в галльских и шотландских регионах, то есть обычай совместной вспашки.

Земли, долгое время находившиеся в запустении, необходимо было вспахивать с помощью большого плуга, запряжённого восемью быками. Для достижения этой цели владельцы быков и владельцы больших плугов (в основном кузнецы) были вынуждены сотрудничать, благодаря чему плугари и погонщики быков могли совместно возделывать землю. Что касается распределения зерна, то в некоторых случаях оно производилось до сбора урожая, а в других — после совместного сбора урожая в соответствии с установленными долями. Помимо этого,

сельскохозяйственная система Шотландии отличалась от германской ещё и следующим образом: в шотландской системе внешний круг возделываемых земель делился на две части: во внутреннем круге применялись удобрения и практиковалось трехпольное земледелие, тогда как внешний круг делился на пять–семь частей, из которых только часть подвергалась вспашке, а остальные оставлялись под траву и использовались в качестве пастбищ. Особенности этой системы земледелия, известной как «полевое травоводство» (Feldgraswirtschaft), объясняют, почему отдельные шотландские крестьяне, с одной стороны, ведут в вышеупомянутом внутреннем круге индивидуальное хозяйство, как и германские крестьяне, а с другой — часто объединяются в кооперативы для вспашки.

Сельскохозяйственная система Шотландии была весьма современной и свидетельствовала о высоком уровне развития земледелия; если же мы хотим познакомиться с более первобытной системой сельского хозяйства кельтов (Kelt), то её следует искать в Ирландии. Там сельское хозяйство изначально ограничивалось исключительно скотоводством, поскольку местный климат позволял домашнему скоту находиться на открытом воздухе в течение всего года. Пастбища находились в частной собственности семейных общин (называемых «Тейт»), вожди которых часто содержали более трехсот голов скота. К 600 году н. э. земледелие в Ирландии пережило заметный упадок, в результате чего произошли изменения в экономической системе. Однако земля по-прежнему не передавалась в бессрочную частную собственность, а наследовалась, как правило, только на одно поколение. Распределением земель занимался вождь (называемый «Танаист»), и так продолжалось вплоть до XI века.

Самая древняя из известных нам экономика кельтов полностью ограничивалась скотоводством, поэтому на основании этой системы и шотландской системы «Cyvvar» невозможно сделать какие-либо выводы о самых ранних этапах германской экономики. Ведь типичная германская сельскохозяйственная экономика, о которой нам известно, должна была возникнуть в эпоху, когда потребности в земледелии и скотоводстве были равнозначны. Такой германский экономический строй, возможно, сформировался в эпоху Цезаря; «земельное хозяйство на диких травах» было весьма распространено во времена Тацита (Tacitus), однако следует обратить внимание на склонность римских авторов, особенно Тацита, к преувеличению.

Наиболее ярким противоположностью германской аграрной системы является русский мир (Mir, Община). Эта система была распространена в Великой Руси, но ограничивалась внутренними провинциями; на Украине и в Белоруссии она отсутствовала. Деревни русского мира представляли собой уличные поселения, зачастую чрезвычайно обширные, с населением от трех до пяти тысяч человек. Огороды и пахотные земли располагались позади усадеб. Вновь образованные семьи селились на краю выделенного участка. Помимо пахотных земель использовались также общие пастбища. Пахотные земли делились на участки, а участки, в свою очередь, — на полосы.

Что касается сельскохозяйственной системы в России, то эта земля не распределяется между отдельными хозяйствами на постоянной основе, а распределяется с учётом численности населения или рабочей силы, что отличается от германского метода. В зависимости от численности населения и объёма рабочей силы количество выделяемых участков различается. Поэтому так называемое частное владение не является постоянным, а представляет собой лишь временное владение. Хотя по закону срок обмена был установлен в двенадцать лет, на практике он, как правило, не был столь длительным и часто составлял три, шесть или даже один год.

Право требования на землю (т. е. «надзель») принадлежит каждому индивидуально, но оно относится к сельской общине, а не к семейной общине. Это право на землю существует бессрочно: рабочий, даже если его предки переселились в город несколько поколений назад, может в любой момент, вернувшись на родину, воспользоваться своим изначальным правом. И наоборот, никто не может покинуть общину и переселиться в другое место без её согласия.

Содержание права требования на землю можно увидеть на примере права требования на периодическое распределение.

Однако утверждение о том, что все жители деревни равны, в большинстве случаев остается лишь пустыми словами на бумаге, поскольку необходимое для перераспределения большинство на практике практически недостижимо. Наибольшую потребность в новом распределении испытывают, в частности, семьи с резко возросшим числом членов, но в то же время существуют и другие интересы, противоположные их интересам. Решения Мира лишь внешне кажутся демократическими, на самом же деле они всегда определяются капиталистами. Дело в том, что из-за необходимости в домашнем имуществе отдельные семьи вынуждены брать в долг у так называемых «имущих» в деревне или у кулаков; эти имущие, предоставляя денежные ссуды, полностью подчиняют себе массы безземельных. Кулаки, решая, в чьих интересах им действовать — чтобы их должники оставались бедными или продолжали владеть своей землёй, — определяют содержание решений по системе Милля, когда возникает вопрос о перераспределении.

Что касается влияния системы Миля на экономическую жизнь вплоть до её краха, в России существовали две противоположные точки зрения. Первая точка зрения заключалась в том, что эта система, в отличие от индивидуалистического сельскохозяйственного строя, способна обеспечить людям экономическое спокойствие и счастье, а поскольку работники, покинувшие деревню, могут вернуться в неё и воспользоваться своими правами, в ней заключается ключ к решению социальных проблем. Сторонники этой точки зрения, хотя и признавали, что все технические и иные усовершенствования в сельском хозяйстве из-за этого затруднялись и могли внедряться лишь крайне медленно, считали, что благодаря праву требования на землю каждый человек мог воспользоваться плодами прогресса.

Противники же безоговорочно считали систему Милля препятствием для всякого прогресса и рассматривали её как самого упорного защитника реакционной политики царского правительства. В начале XX века, когда социальные революционеры угрожающе расширяли свою власть, система «мил» была разрушена. Столыпин в рамках своей законодательной реформы сельского хозяйства 1906–1907 годов предоставил крестьянам право при определенных условиях отказаться от системы «мил», а также требовать последующего перераспределения земли, при котором их первоначальные владения не должны были включаться в новый наряд.

Вся земля должна была рассматриваться как единый участок, что соответствовало принципу огораживания в немецком Альгау (Allgäu): деревни были разбросаны, каждый крестьянин проживал в центре своего участка и формировал отдельное хозяйство. Таким образом, крах системы «миль», о котором всегда мечтал государственный секретарь граф Витте, стал реальностью — чего либералы и не смели себе представить. Что же касается русских конституционных демократов (кадетов), то они, конечно, не верили в возможность проведения реформы.

Непосредственным результатом аграрной реформы Сту-Лянбина стало то, что более зажиточные крестьяне, владевшие большими участками земли благодаря своему капиталу, а не численности семьи, вышли из общин, в результате чего русские крестьяне разделились на два сословия. Один из этих двух классов — богатые крупные землевладельцы — отделился и образовал самостоятельную фермерскую экономику; другой класс, более многочисленный, оказался в заброшенном положении: их земель и без того было недостаточно, а теперь они лишились возможности перераспределения, в результате чего они навсегда превратились в бесперспективных сельских беспроизводителей. Второй класс глубоко ненавидел первый класс, считая его нарушителем священных принципов «мила», и по этой причине первый класс был вынужден безоговорочно поддерживать действующее правительство. Если бы не нынешняя

мировая война, они непременно стали бы для царского правительства новым отрядом сторонников и защитников.

Мнения российских ученых относительно возникновения «миров» также не единодушны. Однако, согласно общепринятой точке зрения, «мир» не был первоначальной формой устройства, а являлся продуктом налоговой системы и крепостного права. Вплоть до 1907 года члены «миры» не только не имели права требовать от деревни предоставления земли, но и, напротив, деревня имела несомненное право требовать от них трудовой силы. Более того, даже если член «миры» с разрешения деревни уезжал и уже имел совершенно иную профессию, староста в любой момент мог отозвать его обратно и обязать участвовать в общих расходах.

Эти обязательства в основном состояли из выкупа при отмене крепостного права и фиксированной суммы государственного налога. На плодородных землях крестьяне могли получать доход сверх установленной квоты; поэтому среди городских рабочих, даже не подлежащих отзыву, было немало желающих вернуться в деревню. В таких случаях деревня нередко выплачивала компенсацию за отказ от права пользования землей. Однако когда общая сумма налогов становилась чрезмерно высокой, а возможность извлечь большую выгоду в других местах привлекала население, сельская община несла солидарную ответственность, в результате чего налоговое бремя для тех, кто оставался в деревне, значительно возрастало. В таком случае Милл принуждает своих подданных возвращаться в деревни и восстанавливать статус крестьян; таким образом, так называемая солидарная ответственность ограничивает свободу передвижения каждого человека. В результате крепостное право, отмененное Миллом, продолжает существовать, только теперь крестьяне являются не крепостными одного феодала, а крепостными Милла.

Крепостное право в России было чрезвычайно жестоким, из-за чего крестьяне испытывали огромные страдания. Надсмотрщики ежегодно устраивали браки для достигших совершеннолетия и выделяли им землю. В отношении феодала, владевшего землями, существовали лишь традиционные права, а действующих законов не было вовсе. Феодал мог по своему усмотрению вызвать к себе в дом любого человека. В эпоху крепостного права практиковался метод перераспределения земли: на землях с плохим почвенным составом земля распределялась в зависимости от количества рабочей силы в каждом хозяйстве, а на землях с хорошим почвенным составом — в зависимости от количества людей. Обязанности крестьян по отношению к земле были более тяжёлыми, чем их права на неё. В любое время сельская община несла солидарную ответственность перед феодалом за уплату налогов. В то же время экономика русских феодалов, вплоть до современности, заключалась в том, что, не имея собственных сельскохозяйственных орудий, они заставляли крестьян обрабатывать землю, используя их труд для извлечения прибыли. Эти земли либо сдавались в аренду крестьянам, либо на них привлекались крестьяне к пахотной подневольной работе, которая велась под надзором усадебной канцелярии. Солидарная ответственность помещиков и крепостных постепенно сформировалась начиная с XVI–XVII веков. Именно отсюда произошла система смены пахотных земель.

Система смены пахотных земель не получила распространения на Украине, а также в тех районах России, которые в XVI–XVII веках не находились под властью Московского царства, особенно на западе страны. В этих местах отдельные хозяйства уже стали частными владельцами земли.

Экономика Голландской Ост-Индской компании на всех своих владениях также использовала тот же принцип солидарной ответственности, что и описанный выше. Компания обязывала сельские общины (Desa) нести солидарную ответственность за сдачу дани в виде риса и табачного листа. В результате этой солидарной ответственности сельские общины вынуждали каждого жителя оставаться в деревне, чтобы совместно нести налоговое бремя. В XIX веке, после краха системы солидарной ответственности, принудительные сельские общины также

были упразднены. К тому времени уже существовали два способа выращивания риса: на сухих полях (тегал) и на рисовых полях (савах).

Урожайность первого метода была ниже, тогда как второй предполагал возведение дамб вокруг возделываемых земель, которые внутри делились на отдельные участки для предотвращения утечки приведённой воды или накопленной горной воды. Все, кто возделывал рисовые поля, обладали наследственным правом собственности, которое никто не мог отнять. Что касается сухих полей, то там практиковалось кочевое земледелие, подобное шотландской «экономике диких трав». Вся деревня совместно расчищала землю, но возделывала её индивидуально, и каждый собирал свой урожай. Освоенная земля давала урожай в течение трёх-четырёх лет, но после этого её приходилось оставлять под паром. Поэтому деревня переселялась в другое место с целью освоения новых земель. Если рассматривать ситуацию в ещё более древнем контексте, то Голландская Ост-Индская компания могла осуществлять перераспределение земли только с помощью грабежа и насилия.

Система, применявшаяся этой компанией, к 1830 году была заменена так называемой системой «Kulturstelsel». В рамках этой системы одна пятая часть возделываемой каждым земли принадлежала государству, а выращиваемые культуры заранее назначались ему. Эта система также исчезла в середине XIX века и была заменена более разумными методами ведения сельского хозяйства.

Судя по древним китайским источникам, система, аналогичная описанной выше, также в своё время применялась в Китае. Суть её заключалась в том, что пахотные земли делились на девять квадратных участков: внешние участки отдавались отдельным домохозяйствам, а центральный участок принадлежал императору. Каждое домохозяйство обладало лишь правом пользования землёй, и после смерти главы семьи земля перераспределялась заново. Эта система имела лишь временное значение и могла существовать только вблизи крупных рек, где благодаря ирригации можно было выращивать рис. В данном случае общинная форма владения сельскохозяйственной землей также была создана под принуждением государства и обусловлена финансовыми соображениями, а не возникла естественным путем. Первоначальную экономическую систему Китая можно увидеть в родовой экономике, которая до сих пор сохранилась в китайской деревне. Род имеет свой родовой храм и частную школу, а также совместно управляет или возделывает землю.

Последний пример сельскохозяйственной системы, внешне характеризующейся «общинностью», наблюдается в Индии. В Индии существуют два различных типа сельских общин, общим для которых является наличие общинных земель (wurt) (эти земли соответствуют участкам, на которых проживали Söldner и Häusler в немецкой сельскохозяйственной системе). Здесь проживают ремесленники, монахи из монастырей (имеющие более низкий статус по сравнению с брахманами), парикмахеры, прачки и другие ремесленники, работающие в деревне.

Они трудятся на основе некой «божественной воли» и не получают за свой труд заработной платы; кроме земли или доли урожая, они не получают никакого другого вознаграждения (примечание: Маркс считал, что стабильность индийского государства можно объяснить этой системой, но это неверно; на самом деле эта стабильность связана с кастовой системой так же, как в Китае — с родовой экономикой). С точки зрения землевладельцев между деревнями могут существовать отличия. В деревнях типа «райятвари» существует индивидуальное землевладение и индивидуальная обязанность уплаты налогов. Главой деревни является староста.

Крестьяне не обладают никакой властью в отношении общинного маратхи, непосредственно подчиняющегося радже. Любой, желающий осваивать землю, должен получить разрешение от раджи и уплатить определённое вознаграждение. В деревнях других типов, находящихся под властью некоторой группы (то есть группы привилегированных феодалов или полностью состоящей из землевладельцев деревенской аристократии), старосты нет. Такие кре-

стьяне сдают землю в аренду, но общий макти принадлежит им; поэтому их положение находится посередине между фактическими земледельцами и раджой. В рамках этой категории можно выделить ещё два типа деревень.

Первый — это деревни типа «Паттидари», в которых земля чётко распределена и используется. После смерти суверенного владельца его владения передаются по прямой линии потомкам, и при каждом наследовании происходит новый перераспределение. Другой тип — деревни типа «Блайачара», в которых земля распределяется в зависимости от трудоспособности отдельных владельцев или их положения. Наконец, существуют деревни типа «заминдари», в которых один человек одновременно занимает должность сборщика налогов и феодала, обладая полной властью. В результате такого разделения деревень возникают деревни типа «паттидари». Между сборщиком налогов и крестьянами находится множество посредников, извлекающих выгоду, вследствие чего сборщик налогов часто передаёт свои обязанности другим лицам — это характерная черта индийской ситуации. Нередко возникала цепочка из четырёх-пяти посредников. Внутри этого класса, состоящего из лиц, живущих за счёт доходов, и крупных землевладельцев, сформировалась форма общинного владения. Когда крестьяне, обязанные нести барщину, ведут совместное хозяйство, они по-прежнему могут делить только урожай, но не землю, а доходы распределяются между суверенными собственниками. Таким образом, основа для формирования такого сельскохозяйственного коммунизма также заключается в его финансовом характере.

Что касается Германии, то до того, как К. Лампрехт (K. Lamprecht) раскрыл сущность этой системы сельскохозяйственного общинного владения, все считали, что её пережитки можно увидеть в «Geh?ferschaft» в регионе Мозель (Mosel). В настоящее время «Гейфершафт» в основном состоит из лесов, но раньше включал в себя также пастбища и пахотные земли, которые распределялись по принципу наделения, а также путем перераспределения и жеребьёвки. Однако такая система не была первоначальной, а возникла в результате политики поместьев. В первоначальный период это были сельскохозяйственные угодья помещиков, которые обрабатывались трудом мелких крестьян, входивших в состав «Марк». Когда помещики стали рыцарями, им стало невозможно самостоятельно руководить хозяйством, да и пробуждение эгоизма у крестьян оказалось для них более выгодным; поэтому они установили фиксированную ренту и передали свои земли в пользование крестьянам. Таким образом, и здесь мы видим наличие принципа солидарной ответственности. В результате члены «Марка» могли применять либо четкое деление, либо периодическую перераспределение по жребию.

Из приведённых выше примеров видно, что теория Лавелея (Laveleye), согласно которой сельскохозяйственный коммунизм (не только в смысле частной собственности на землю, но и в смысле коммунистического ведения хозяйства — причём эти два понятия следует тщательно различать) когда-то существовал на самых ранних этапах социальной эволюции, на самом деле не имеет никаких доказательств. На самом деле это не так: сельское хозяйство изначально не было коммунистическим. По этому вопросу существуют различные, противоречащие друг другу мнения. Сторонники социализма считают систему частной собственности деградацией, тогда как либеральные ученые стремятся проследить её истоки до эпохи первобытных предков человечества. На самом деле о первобытной экономической жизни человечества невозможно сказать ничего определённого. Даже если мы возьмём за основу образ жизни народов, до сих пор не соприкасавшихся с европейской культурой, и будем искать ответы, мы не обнаружим никакой единственности, а увидим лишь явно противоположные явления в разных местах.

В рамках наиболее примитивного земледелия существует так называемое «пахотное земледелие». В то время ещё не было ни плуга, ни вьючных животных.[6] Единственным сельскохозяйственным орудием была палка с заострённым концом. Мужчины, используя такие палки, обходили поле по кругу, выкапывая ямки, а женщины рассеивали семена в эти ямки. Однако один и тот же метод пахотного земледелия может иметь совершенно разные организационные

формы. Например, у народа гуато (Guatos), проживающего во внутренних районах Бразилии, хотя, казалось бы, и не было необходимости в принятии иного трудового устройства, сформировались отдельные домашние хозяйства, причём между этими домашними хозяйствами не существовало специализированного разделения труда, а внутри каждого из них наблюдалась ограниченная специализация труда. Кроме того, имела место ограниченная торговля между племенами. Наиболее крайней противоположностью этому является концентрация труда в рамках большой семьи, как, например, в случае с «связанными домами» ирокезов (Irokese). Их женщины, находясь под руководством женщины-вождя, жили все вместе. Эта женщина-вождь распределяла труд и доходы от труда между отдельными домохозяйствами. Мужчины были воинами или охотниками и выполняли другие тяжёлые работы, такие как освоение земель, строительство и разведение домашнего скота. Выпас скота изначально считался почетным занятием, поскольку для приручения животных требовались сила и ловкость. Позже уважение к этому занятию стало традиционным и обычным. Подобные условия встречаются повсюду на Земле, особенно часто среди чернокожих народов. У чернокожих народов сельскохозяйственные работы, где бы то ни было, выполняются женщинами.

Раздел 2. Система собственности и общественные объединения — клан

А. Формы частной собственности

Формы частной собственности, как и внешние проявления сельскохозяйственного строя, разнообразны. Владельцы частной собственности, где бы то ни было, изначально принадлежали к семейному сообществу. Однако то, является ли это семейное сообщество независимым домохозяйством, подобным югославской «задруге», или более крупным объединением, подобным «домовому союзу» ирокезов, варьируется в зависимости от конкретного случая. Индивидуальная собственность может основываться на двух различных принципах: во-первых, материальные средства труда, в особенности земля, рассматриваются как орудия труда. В таком случае эти средства зачастую находятся в исключительной собственности женского клана. Во-вторых, родовая земля является «землёй копья» (speerland) — землёй, завоеванной в результате военных походов, — и, следовательно, находится под защитой мужчин. В этом случае земля находится в исключительной собственности одного патрилинейного клана или иного мужского сообщества. В любом случае, первобытные формы собственности и распределения труда определялись не только чисто экономическими соображениями, но и включали в себя военные, религиозные и магические мотивы.

В прошлом каждый человек был вынужден постоянно поддерживать связи с большинством групп, к которым он принадлежал. Эти группы были разнообразны и можно выделить следующие:

(1) Семейные общины. Их структура варьировалась, но, как правило, они представляли собой потребительские общины. Средства производства, в особенности общее движимое имущество, также могли находиться в исключительной собственности такой семейной общины, причем внутри неё каждая группа обладала собственными правами собственности. Например, оружие и предметы, предназначенные для мужчин, находились в исключительной собственности мужчин и передавались им в соответствии с особым порядком наследования. Другие украшения и предметы, предназначенные для женщин, находились в исключительной собственности женщин и принадлежали им.

(2) Род. Род также является владельцем различных видов собственности и может владеть землёй. В любом случае члены рода обычно обладают определёнными правами в отношении общего имущества семейного сообщества, такими как право требования или право преимущественной покупки при продаже и т. п., что можно рассматривать как пережиток первобытного права собственности. В то же время клан обеспечивал безопасность каждого члена, имел обязанность мстить и соблюдал законы о мести. Он обладал правом на долю в штрафе за убийство и правом совместного распоряжения женщинами, входящими в состав клана, а значит, имел право на долю в приданом при вступлении в брак. Кланы делились на патриархальные и матриархальные: если имущество и другие права принадлежали исключительно клану мужчин, то это была патриархальная система, в противном случае — матриархальная.

(3) Магические сообщества. Наиболее важным из них является тотемный клан (Totem), возникший в эпоху наибольшего расцвета верования в всепроникающий дух.

(4) Сельские общины и макты. Они имеют значительное экономическое значение.

(5) Политические сообщества. Такие сообщества защищают земли, на которых расположена деревня, и, следовательно, обладают различными правами в отношении тех, кто поселился на этих землях; они могут требовать от каждого военной и судебной службы, одновременно предоставляя им соответствующие права, а также обеспечивают выполнение феодальных повинностей и уплату налогов.

Каждый человек порой также связан следующими формами общностных отношений:

(6) С помещиком. Такие отношения возникают, если земля, которую обрабатывает человек, не принадлежит ему.

(7) Отношения с господином, которому принадлежит человек. Эти отношения возникают, если человек не обладает личной свободой и находится в собственности другого лица.

Каждый германский крестьянин в прошлом должен был подчиняться помещику, феодалу и судебному владыке. Эти господа имели различные права в отношении подневольной работы крестьян. В зависимости от того, были ли эти господа разными лицами или одним и тем же человеком, в развитии сельского хозяйства возникали отличия: в первом случае, поскольку господа конкурировали друг с другом, это благоприятно сказывалось на свободе крестьян, тогда как во втором случае крестьяне склонялись к отношениям подчинения.

B. Семейное сообщество и клан

Современное общепринятое понятие «семейного сообщества» или «семьи» обозначает малую семью, то есть домашнее хозяйство, состоящее из родителей и детей. Оно основано на законном и предполагающем постоянство моногамном браке. Экономика такой малой семьи в настоящее время представляет собой потребительскую экономику, по крайней мере номинально отличающуюся от производственной организации. Внутри семейного сообщества все имущественные права принадлежат лично главе семьи, однако в отношении особого имущества жены и детей его права ограничены. Родственные связи учитываются как по отцовской, так и по материнской линии, однако в данном контексте это практически не имеет значения, за исключением тех случаев, когда возникают вопросы о праве наследования. Понятие рода в древнем понимании в настоящее время не существует; его следы можно увидеть лишь в вопросах наследования по боковой линии, и даже в этом случае часто возникают сомнения относительно происхождения и установления таких отношений.

Теория социализма исходит из предположения о различных стадиях развития брака. Согласно этой теории, первобытное состояние представляло собой беспорядочные половые связи внутри группы, то есть эндогамию, что согласуется с полным отсутствием частной собственности. Доказательства этой гипотезы, как считается, можно найти в различных пережитках первобытного состояния. Например, религиозные обряды первобытных народов, носящие характер веселых пиров — обряды поедания мяса, питья вина, курения табака и т. п., — во время которых ограничения на половые отношения полностью снимались; или, например, у многих народов девушки обладали половой свободой до вступления в брак; в древнем Востоке среди рабов, обслуживающих богов, также существовали беспорядочные половые связи, в которых мог без разбора участвовать любой человек.

Кроме того, в качестве подтверждения можно привести так называемый левират (Levirate) — обычай, распространенный во многих местах, в том числе и у израильтян, — при котором брат по роду имел привилегию и обязанность жениться на вдове умершего брата и тем самым становиться его наследником. Согласно социалистической теории, вторым этапом эволюции является групповой брак. Это означает, что определённая группа (род или племя) вступает в брачные отношения с другой группой, в результате чего все мужчины одной группы становятся мужьями всех женщин другой группы. Доказательство этого можно, по-видимому, извлечь из практики индейских племён Америки, где, за исключением отца и матери, не существует никаких других родственных связей.

Когда индейцы достигают определённого возраста, их всех без разбора называют таким образом. Кроме того, подтверждением служит тот факт, что на островах южной части Тихого океана часто встречается следующая практика: многие мужчины вступают в половые отношения одновременно или поочерёдно с одной или несколькими женщинами, образуя брачные отношения. Социалистическая теория рассматривает матриархат (Mutterecht) как одну из основных переходных стадий, следующих за этим. Согласно этой теории, в эпоху, когда причинно-следственная связь между половым актом и рождением детей ещё не была известна,

семейное сообщество формировалось не на основе семьи, а на основе группы матерей, и только матрилинейные группы обладали ритуальным и правовым статусом.

Эта стадия выводится из широко распространенной в мире системы аванкулату (Avunkulut), при которой брат матери является опекуном девушки, а его наследниками становятся ее дети. Матриархат также считается общим переходным этапом, следующим за этим. На этом этапе положение вождя в различных общинах абсолютно принадлежит женщинам, в частности, они являются руководителями экономических дел семейной общины. Далее, пройдя стадию браков, основанных на похищении, происходит переход к патриархату, и так происходит повсеместно.

Причина заключается в том, что после прохождения определённой стадии эволюции основания для обрядов хаотичных браков подвергаются осуждению, и браки внутри рода постепенно заменяются браками вне рода; сексуальные отношения ограничиваются членами разных групп, что включает в себя насильственное похищение женщин извне и купные браки, которые также начинают возникать. Подтверждением такого эволюционного процесса служит сам брачный обряд: во многих культурах, где уже давно практикуются договорные браки, в обрядах до сих пор имитируется форма насильственного похищения. Лишь после этого произошел переход к патриархату (Vaterrecht) и законной моногамии; согласно теории социалистов, это тесно связано с возникновением системы частной собственности и стремлением мужчин к законному наследованию. В результате произошёл значительный моральный упадок; с тех пор моногамия и проституция существуют бок о бок.

Выше изложена теория матриархата и социалистическая теория, основанная на ней. Хотя в этой теории и есть несостоятельные моменты, в целом она вносит ценный вклад в объяснение данного вопроса. В отношении этой теории у нас также возникает ощущение, что «умная ошибка приносит науке больше пользы, чем тупая pravda». Что касается критики этой теории, то, во-первых, при рассмотрении вопроса о развитии института проституции необходимо отбросить все моральные ценностные суждения — это само собой разумеется.

Под так называемой системой проституции мы подразумеваем оплачиваемое сексуальное обслуживание, осуществляемое с целью извлечения прибыли или в рамках коммерческой деятельности. В этом смысле так называемая проституция отнюдь не является продуктом моногамии и системы частной собственности; её истоки уходят в глубокую древность. Такую систему можно обнаружить в любую историческую эпоху или на любой стадии эволюции, однако среди мусульманских народов проституция встречается крайне редко, а у некоторых «первобытных» народов — вовсе отсутствует.

Тем не менее даже среди «первобытных» народов, у которых, как отмечают социалистические теоретики, отсутствует система частной собственности, существует проституция, а также предусмотрены наказания за проституцию как с лицами того же, так и противоположного пола. Везде проститутки занимают особое социальное положение, зачастую считающееся низким; исключением являются лишь храмовые проститутки (sakraler prostitution). Между такой коммерческой проституцией и разнообразными формами брака могут существовать многочисленные промежуточные формы длительных или временных сексуальных отношений, причем эти формы не обязательно подвергаются осуждению с моральной или юридической точки зрения. В наши дни договоры о сексуальных удовольствиях вне брака считаются недействительными, однако в Египте эпохи династии Птолемеев (Ptolemaischen Agypten) признавалась свобода заключения сексуальных договоров, и даже после того, как жена отдавала себя другому мужчине, её права на алименты, наследование и другие права по-прежнему были защищены в судебном порядке.

Кроме того, проституция могла принимать не только форму неограниченного сексуального самопожертвования, но и форму ритуальной проституции, имевшей религиозно установленные формы. Например, проституция рабынь, обслуживающих божества в Индии и древнем

Востоке. Существовали также так называемые храмовые рабыни, которые были вынуждены выполнять служебные обязанности, и часть из них участвовала в пирах и веселых празднествах. Рабыни, служащие перед божеством, могли также за вознаграждение отдавать своё тело любому человеку. Институт рабынь, служащих перед божеством, восходит к истокам религии, а также к магии всеобщего духа, обладающей сексуальными чертами; такая магия часто, постепенно достигая состояния экстаза, вводила людей в сексуальное безумие.

Сексуальный акт, рассматриваемый как одна из форм магии, направленной на молитву об урожае, был чрезвычайно распространен среди земледельческих народов. В надежде на богатый урожай сексуальные пиры устраивались даже прямо на пахотных полях. В Индии участие в таких пирах привело к появлению профессии танцовщиц. Танцовщицы-проститутки были свободными проститутками и, подобно греческим проституткам, играли важную роль в культурной жизни Индии. Несмотря на благоприятные условия жизни, сами они по-прежнему считались низшими, поэтому, как показано в индийских пьесах о танцовщицах, если им удавалось благодаря какому-то таинственному чуду обрести статус замужней женщины, то даже при самой тяжелой жизни они испытывали безграничное счастье.

Помимо системы храмовых проституток, в Вавилоне, Иерусалиме и других местах существовала настоящая монастырская проституция, основными клиентами которой были путешествующие купцы. Даже после того как эта деятельность утратила религиозный характер или связь с пиршествами, они продолжали заниматься своим ремеслом, а монастыри, преследуя корыстные интересы, предоставляли им всевозможные удобства. Против легальной проституции и её корней (а именно системы пиршеств) выступали священнослужители и пророки великих религий, ставившие своей целью спасение всего человечества: Заратустра (Zarathustra), основатель зороастризма, брахманы, а также пророки Ветхого Завета и другие.

Их борьба отчасти основывалась на моральных и рациональных соображениях. Их исходной точкой было стремление к углублению духовной жизни человечества, и они считали, что огромным препятствием для эффективности религиозных побуждений является именно разнузданная похоть. Помимо этого, важную роль играла также соперничество между религиозными течениями. Боги древних израильтян были богами гор, а не Ваалом, богом, властвующим над нижним миром, поэтому пророки и другие считали пиры Ваала своими страшными соперниками.

В этой полемике везде, где уже были образованы национальные государства, особенно в Риме, полиция и духовенство действовали рука об руку, поскольку они глубоко опасались, что бурный подъем страстей, сопровождающий пиршества, приведет к революционному движению низших классов. Однако после того как пиршества, вызывавшие подозрения со стороны государства, были запрещены, сама система проституции продолжала существовать, хотя все презирали ее и считали незаконной. В средневековье, несмотря на существование церковного учения, проституция по-прежнему была общепризнанной и имела свои профессиональные объединения.

Что касается Японии, то и по сей день случайная проституция служанок в чайных домах не только не вызывает презрения, но даже делает их более желанными невестами. Закат института проституции начался в конце XV века, после того как французский король Карл VIII (Heereszug Karls VIII), во время похода на Неаполь (Neapel), подвергся массовому заражению венерическими заболеваниями. С тех пор нечистая проституция, которой было разрешено продолжать существование, была вынуждена сосредоточиться в специально отведенных местах. После расцвета протестантизма и предшествовавшего ему кальвинизма с их аскетическими учениями также возникла оппозиция системе проституции, однако впоследствии позиция католической церкви оказалась более умеренной и взвешенной. Итог этого процесса оказался схожим с судьбой мусульман и авторов Талмуда, которые в то время боролись против разгульных пиров и пиршеств.

При анализе внебрачных сексуальных отношений необходимо проводить различие между проституцией и сексуальной свободой женщин. Сексуальная свобода в прошлом считалась само собой разумеющейся для мужчин; только с появлением трех великих монотеистических религий она стала подвергаться осуждению, а в иудаизме была запрещена лишь после появления Талмуда. О том, что женщины изначально обладали такой же сексуальной свободой, как и мужчины, свидетельствуют следующие факты: например, во времена Мухаммеда[7] у арабов, хотя и существовал общепризнанный постоянный брак, в то же время практиковались «временные браки» с целью получения алиментов, а также «пробные браки» (подобные практики существовали также у египтян и в других местах). В особенности дочери из высших слоев общества, не желая подчиняться строгому семейному послушанию в рамках патриархального брака и стремясь сохранить свою сексуальную свободу, предпочитали оставаться в родительском доме, поступая по своему усмотрению или вступая в отношения с мужчинами в пределах имеющихся возможностей. Помимо таких примеров личной сексуальной свободы, существовали также женщины из рода, которых использовали в коммерческих целях или сдавали в аренду для получения содержания. Кроме того, существовали так называемые сексуальные спутницы. Речь идет об обязанности предоставлять жену или дочь для обслуживания уважаемого гостя. Наконец, развивалась и практика содержания наложниц, которая отличалась от института брака тем, что юридический статус детей не имел полной силы. В период, когда преобладали браки внутри сословий, практика содержания наложниц зачастую определялась сословьями и развивалась в сожительство, преодолевающее сословные границы. В эпоху Римской империи институт наложниц был полностью признан законом. Особенно это касалось солдат, которым было запрещено вступать в брак, а также аристократов, которым из-за их социального положения было трудно найти возможность жениться. Эта система сохранялась в средневековье и была окончательно запрещена только в 1515 году на Пятом Латеранском соборе. Однако в реформаторской церкви она была запрещена с самого начала, и с тех пор эта юридически признанная система постепенно исчезла на Западе.

Результаты более глубокого исследования социалистической теории матриархата показывают, что описанные ею стадии половой жизни не могут быть подтверждены как когда-либо существовавшие в общем историческом развитии; даже если такие стадии и имели место, то лишь в совершенно особых условиях. Если система хаотичных браков и существовала когда-либо, то, если это не было случайным явлением, носящим характер пиршеств и веселья, то это было результатом разложения строгих древних ограничений на половые отношения.

Что касается теории матриархата, мы, конечно, должны признать, что, как показывает история религий, основанная на идее всеобщей духи, в первобытные времена причинно-следственная связь между половым актом и рождением детей была неизвестна, поэтому родственные связи между отцом и детьми в то время не признавались, точно так же, как сегодня внебрачные дети живут в условиях матриархата. Однако чисто материнские общины, в которых дети исключают отца и живут только с матерью, не были широко распространены, а существовали лишь при совершенно особых условиях. Внутрисемейные браки между братьями и сёстрами, как, например, в династии Плетоми, представляли собой аристократическую систему, направленную на сохранение чистоты рода.

Приоритет рода, то есть обязанность дочери, выходящей замуж за постороннего, посвятить себя родственникам из рода или выкупить их права за деньги, можно объяснить дифференциацией богатства и рассматривать как средство защиты от разделения имущества. Система наследования от старшего брата к младшему также не возникла из первобытного состояния; её цель заключалась в предотвращении пресечения мужской линии в военном или религиозном отношении. С момента появления социального расслоения возникла форма эндогамии, при которой дочери оставались в семье членов определённых политических или экономических групп.

Такая система широко применялась в эпоху греческой демократии; её целью было не только предотвратить утечку имущества за пределы общины города, но и ограничить рост числа «полноправных граждан», с тем чтобы последние могли монополизировать политические возможности. Кроме того, в индийской системе каст, где существовало чрезвычайно строгое социальное разделение, браки внутри рода, как в Индии, превратились в гипергамию (Hypergamie). Мужчины из высших каст могли свободно общаться с женщинами из низших каст и вступать с ними в брак, но для женщин это было невозможно; в результате девушки из низших каст могли продаваться за деньги, тогда как девушки из высших каст уже в юном возрасте были вынуждены искать себе супруга и зачастую сами вкладывали средства в поиски мужа.

Такой муж мог одновременно жениться на многих женщинах, жить на их содержание и переходить из одного дома в другой. Такое положение дел было отменено лишь позже, когда британское правительство обязало формальных мужей выплачивать своим женам средства на содержание. Кроме того, там, где практикуются браки внутри рода, мы можем признать это лишь явлением упадка, а не этапом прогресса. Что касается браков за пределами рода, то, за редким исключением, они повсеместно распространены. Они возникают либо из стремления пресечь ревность мужчин внутри рода, либо из осознания того, что совместное взросление не позволяет в полной мере проявить сексуальные порывы. Когда система браков за пределами рода становится нормой для всего рода, это часто связано с представлением о всепроникающем духе, присущем тотемизму. Однако то, что тотемизм распространен по всему миру и встречается даже в совершенно не связанных между собой регионах (таких как Америка и Острова Ост-Индии), еще не является достаточным доказательством. Браки похищением везде считаются противоправным деянием по отношению к данному роду; этот род имеет право на кровавую месть или на взыскание штрафа за убийство, но в то же время такое деяние рассматривается как своего рода воинский подвиг.

Особенностью законного брака, основанного на патриархате, является то, что с точки зрения определенной общины полное право имеют только дети одного конкретного супруга данного мужчины. Такие общины можно разделить на следующие категории: (1) семейное сообщество: право наследования имеют только дети от официального брака, а дети от наложниц и любовниц — нет; (2) Род: только дети, рожденные в официальном браке, имеют право на кровную месть, выплату штрафа за убийство и наследование имущества членов рода; (3) Военные сообщества: только дети, рожденные в официальном браке, имеют право на ношение оружия, а также на долю в военной добыче, завоеванных землях и распределении земель; (4) Сообщество по статусу: только дети, рожденные в официальном браке, обладают полным статусом; (5) Религиозное сообщество: только потомки, обладающие полным статусом, могут совершать обряды почитания предков, а божества принимают подношения только от них.

В соответствии с патриархальным правом законный брак может регулироваться следующими тремя способами: (1) Чисто материнская группа. Отец, признаваемый законным вождем, отсутствует. Признаются только родственные связи между матерью и детьми, а также между родственниками матери. Чисто материнская община встречается, в частности, при существовании мужских союзов; (2) чисто отцовская община. Дети одного отца, независимо от того, рождены ли они от законной жены, наложницы, любовницы или рабыни, имеют одинаковое положение. Жена и дети обязаны подчиняться его безграничной власти. Из этого положения развился законный брак, основанный на отцовской власти; (3) несмотря на существование общин обоих родителей, преобладает матрилинейность. Дети принадлежат к роду матери и не имеют отношения к роду отца. Такое положение существует в местах, где преобладает тотемизм, и является пережитком мужского союза.

C. Экономические и внеэкономические условия развития семьи

Для понимания условий развития семьи необходимо сначала провести общее исследование первобытной экономической жизни.

Используемое в научных дискуссиях деление на три этапа — охота, скотоводство и земледелие — на самом деле непригодно для применения. Чисто охотничьи или кочевые народы, не ведущие обмена между собой и не вступающие в обмен с народами, занимающимися земледелием, даже если такие и существуют, нельзя назвать первобытными. Напротив, первобытным является именно земледелие, сочетающее вспашку с охотой и приобретающее кочевой характер. Под «пахотным земледелием» понимается земледелие без домашнего скота, в особенности без тягловых животных. Использование плуга фактически знаменует переход к современному земледелию.

Одомашнивание домашнего скота требует чрезвычайно длительного времени: сначала одомашнивались тягловые животные, а уже затем — молочные (хотя и по сей день, особенно в Восточной Азии, есть места, где не знают, как доить коров). Еще позже появились домашние животные, предназначенные для забоя и употребления в пищу. Если говорить о случайных явлениях, то забой, конечно, является очень древним явлением, которое впоследствии стало предметом пиршеств с обильным употреблением мяса и приобрело форму ритуала. Наконец, животных стали одомашнивать в военных целях. Еще с XVI века до нашей эры существовали лошади, которые использовались на степях в качестве верховых животных, а кроме того, повсеместно применялись в качестве тягловых животных. Именно с этого момента началась эпоха конных и колесных сражений, общая для всех народов — от Китая и Индии до Ирландии.

Пахота могла осуществляться как отдельными небольшими семьями, так и в рамках объединения семейных общин, в которых собиралось даже до нескольких сотен человек, чтобы вести хозяйство силами большого числа рабочих рук. Последний способ возделывания сельскохозяйственных земель стал результатом технического совершенствования. В первоначальный период охота обязательно была совместным делом, хотя такая совместность была обусловлена окружающей средой. Разведение домашнего скота могло осуществляться индивидуально, и, более того, не могло обходиться без этого; в любом случае, община в этой сфере не могла быть слишком большой, поскольку разбросанные по обширной территории стада требовали просторных пастбищ. Наконец, земледелие с использованием широких бороздов могло осуществляться в самых разных формах, однако при освоении земель требовалось совместное сотрудничество.

Разделение труда между полами переплетается с различиями в экономических формах. В первобытные времена возделывание и уборка урожая были преимущественно женскими обязанностями. Только когда пришлось прибегнуть к тяжелому труду (замена мотыги на плуг), мужчины стали участвовать в этой работе. Основной упор в домашнем труде делался на ткачество, которым занимались исключительно женщины. Трудом мужчин занимались охота, разведение домашнего скота (мелкий скот также входил в обязанности женщин), обработка и изготовление изделий из металла, а также ведение войн. Последнее было важнейшим видом труда для мужчин. Женщины были постоянными труженицами, а мужчины — лишь случайными работниками; впоследствии, по мере того как работа становилась все более тяжелой и претерпевала радикальные изменения, мужчины были вынуждены заниматься постоянным трудом.

В результате сочетания этих обстоятельств возникли следующие два типа совместной деятельности: с одной стороны, совместное выполнение домашнего труда и сельскохозяйственных работ, с другой — совместная охота и ведение войны. В отношении первого пункта женщины играли решающую роль, благодаря чему они часто занимали превосходное положение; нередко они обладали абсолютной властью. Женские общины изначально представляли собой места труда, тогда как объединение, связанное с охотой и войной, привело к появлению мужских объединений. Однако независимо от того, принадлежала ли роль главы семьи мужчине или, как у индейцев, женщине, всегда существовали традиционные ограничения и положение

главы семьи внутри семьи. Напротив, объединения, созданные для охоты и войны, находятся под руководством вождя, избранного именно для этой цели; этот вождь избирается не по родовым связям, а исключительно благодаря своим качествам воина и человека; он является свободно избранным вождем, обладающим правом свободно назначать своих сподвижников.

Помимо места экономического труда женщин, то есть семейного сообщества, существовали также мужские общины. Мужчины в возрасте от двадцати пяти до тридцати лет жили в общих жилищах вне семьи, которые служили центром организации охоты, магии, а также изготовления оружия и других важных железных изделий. Юноши нередко прибегали к набегам с целью обретения жены; поскольку такие набеги осуществлялись совместными действиями, подобные браки, заключаемые в результате набегов, носили полигамный характер. Однако встречались и случаи покупки жены. В целях строгого соблюдения тайны женщинам всегда запрещалось входить в мужские общины. Например, жители островов южной части Тихого океана поддерживали священность мужских общин с помощью устрашающих шествий (Duk-Duk). Как правило, мужские общины были связаны с системой преобладания со стороны деда по материнской линии и часто сочетались с матрилинейностью, практикуя экзогамные браки. Все мужчины, как правило, делятся на группы по возрасту; по достижении определённого возраста они покидают мужское общежитие, возвращаются в деревню и переезжают в жилище своей жены. Мужское общежитие обычно считается институтом периода обучения мужчин: по достижении определённого возраста дети покидают семью, проходят магические обряды (в частности, обрезание) и обряд посвящения во взрослую жизнь, после чего поступают в мужское общежитие. Все эти общины носили характер казарм и представляли собой своего рода военную систему. Их распад привёл к развитию различных явлений, таких как магические клубы или тайные политические объединения, созданные по образцу итальянской «Камарры»[8], например, спартанское «σνδρειο», греческие «фратрии» и римские «курии» (curia), которые являются примерами данной системы.

Такая первобытная военная система не возникала повсеместно; а там, где она все же существовала, она вскоре рушилась либо вследствие распада милитаризации, либо вследствие прогресса военной техники, который делал более выгодными индивидуальные бои, требующие огромного количества оружия и специальной подготовки войск. Особенно сильное влияние на этот процесс оказали колесничные и конные бои. В результате большинство мужчин становились зятями в семьях своих жён и жили вместе с ними, а военная защита больше не обеспечивалась мужскими общинами, а осуществлялась путём предоставления каждому воину участка земли, что позволяло ему самостоятельно вооружаться и обеспечивать собственную безопасность. Таким образом, происхождение приобрело решающее значение, и повсеместное верование в душу, возникавшее в любой форме в любой части мира, находило в этом своё отражение.

Происхождение тотемизма, основанного на концепции всеобщей одушевлённости, возможно, также следует искать в мужских общинах, хотя впоследствии тотемизм перестал быть связанным с учением о всеобщей одушевлённости. Под тотемом понимается животное, растение, камень, изделие или любой другой объект, в котором, как считается, обитает определенный дух; члены тотемной группы находятся с этим духом в отношениях, обусловленных концепцией всеобщей души. Если тотемом является животное, то в силу его родственной связи с общиной его запрещено убивать; отсюда возникает определенный ритуальный запрет на употребление его в пищу.

Тотемные общины организовывали культовые сообщества, то есть мирные сообщества, в которых членам не разрешалось сражаться друг с другом; браки между ними считались инцестом и карались суровыми наказаниями, поэтому широко практиковался экзогамный брак, а также устанавливались брачные союзы с другими тотемными общинами. Тотемная община в этом смысле представляла собой ритуальное сообщество, которое зачастую пересекалось с семейной и политической общинами. Отдельный отец, хотя и проживает в семейном сообще-

стве вместе с женой и дочерьми, в большинстве случаев находится в условиях матрилинейности, поэтому дети принадлежат к роду матери, а в ритуальном плане отец рассматривается как посторонний. В этом заключается причина возникновения так называемого матриархата, поэтому он, как и тотемизм, является пережитком эпохи мужских объединений. Там, где тотемизм не возник, мы можем обнаружить патриархат или преобладание отцовской линии, основанное на отцовском наследовании.

Борьба между патриархатом и матриархатом определяется основным принципом, лежащим в основе частной собственности на землю. Частная собственность имеет две формы: либо земля рассматривается как место труда женщин и, следовательно, управляется с экономической точки зрения; либо земля рассматривается как приобретённая силой и требующая защиты силой, и, следовательно, с военной точки зрения. Если на женщину возлагается ответственность за возделывание земли, то земля переходит в руки братьев матери, являющихся опекунами детей. Напротив, когда земля рассматривается как «военная территория», она становится собственностью военного сообщества, и дети приписаны к отцовской линии, в результате чего женщины лишаются прав на землю.

Это военное сообщество стремится сохранить распределение земли внутри отцовского клана, чтобы обеспечить экономическую основу для боевой готовности своих членов. В результате таких усилий возникли институт наследования от старшего брата к младшему и законы, регулирующие право наследования женщинами, которые устанавливали обязанность и право ближайших родственников вступать в брак с наследницами рода. В Греции этот институт был особенно распространен. Существовали и другие возможности, при которых имущественные отношения отдельных лиц определялись в зависимости от того, преобладала ли патриархальная или матриархальная система.

Среди людей, находящихся в равном экономическом положении, самой древней формой брачного союза, возможно, был обмен девушками. В частности, в рамках семейных общин братья часто обменивались своими сестрами. После дифференциации экономического положения девушки, рассматриваемые как рабочая сила, стали объектом обмена и, следовательно, продавались и покупались, как вьючные животные. Тот, кто не мог приобрести девушку, должен был служить ей или длительное время проживать в доме девушки. Брак по купле-продаже и брак по служению (первый — в рамках патриархата, второй — в рамках матриархата) могли сосуществовать друг с другом и даже встречаться в пределах одного и того же рода. Поэтому ни один из них не был повсеместным институтом. Женщина всегда находилась под властью мужчины, и это было одинаково как в её собственном семейном сообществе, так и в семейном сообществе мужчины, который её купил. И браки по купле-продаже, и браки по служению могли быть как моногамными, так и полигамными. Имеющие имущество могли по своему усмотрению покупать много женщин, а безымущественные, особенно безымущественные братья, могли совместно приобретать одну женщину.

Противоположностью этому состоянию является групповой брак, который, возможно, возник из магических границ брака между тотемными или семейными общинами. В этом случае мужчина должен последовательно или одновременно принимать в жены нескольких сестёр, либо многие женщины принимаются другой семейной общиной в качестве общей собственности. Так называемый групповой брак встречается лишь изредка то здесь, то там и явно не является общей стадией в эволюции брачного института.

Купленная жена, как правило, находится под абсолютной властью мужчины, основанной на патриархате. Происхождение этой высшей власти уходит корнями в самую древность. Такая власть, где бы то ни было, существует в принципе и является подлинной особенностью первобытных народов.

D. Эволюция рода

Теперь перейдём к описанию эволюции рода. Термин «род» (clan) в галльском языке, а также немецкое «sippe» и латинское «proles» являются синонимами и обозначают родственные связи по крови. Прежде всего необходимо различать различные виды родов.

(1) Магические связи между людьми, выражающиеся в определённых ритуальных взаимодействиях, связанных с пищевыми запретами, и в других аспектах. Род в этом смысле называется тотемным родом.

(2) Военный клан (phratrien) — первоначально союз, образованный мужчинами. Его деятельность по контролю за новоприсоединившимися имела широкое значение. В терминологии древних народов те, кто не прошел испытания сообщества, связанные с ними аскетические упражнения и испытания на физическую выносливость, считались «женщинами» и, следовательно, не могли пользоваться политическими привилегиями мужчин и связанными с ними экономическими привилегиями. После исчезновения мужских сообществ военные роды сохранили пережитки своего древнего значения. Например, в Афинах военные роды были организациями, с помощью которых каждый мог сохранить свои гражданские права.

(3) Род как родственная связь, определяющая принадлежность к определенному сословию. В этом случае, особенно мужской род, играл важную роль. Ниже речь идет исключительно о мужском роде. Его функции: 1) выполнение обязательств по мести по отношению к посторонним; 2) распределение внутри рода выкупа за убийство; 3) мужской род как единица при распределении «воинских земель». В законодательстве Китая, Израиля и древних германцев до продажи земли лицу, не принадлежащему к роду, необходимо было сначала удовлетворить требование о праве преимущественной покупки со стороны членов рода; эта практика сохранялась вплоть до исторической эпохи. Однако мужской род в этом смысле представлял собой особый институт: членами рода считались только те, кто обладал физической и экономической способностью к вооружённой защите. Те, кто не обладал способностью к самообороне, для получения защиты были вынуждены подчиняться господину, владевшему над ними. Таким образом, мужской клан фактически превратился в привилегию имущих.

Среди родов были как организованные, так и неорганизованные. Первобытное состояние находилось посередине между ними. В большинстве родов имелся старейшина, но в историческую эпоху его часто уже не было. В принципе он был лишь главой среди равных (primus inter pares). В случае споров внутри рода он мог исполнять функции арбитра. Право распределения земли между членами рода также находилось в его руках. Однако члены рода либо в принципе имели равные права на землю, либо неравенство было четко закреплено, поэтому распределение земли не могло осуществляться произвольно, а должно было происходить в соответствии с традициями. Типичным примером старейшины рода является арабский вождь, который мог влиять на других только посредством наставлений и собственного благородного примера. Вожди германцев, описанные в сочинениях Тацита, также были похожи на него: их влияние основывалось не столько на приказах, сколько на личном примере.

Судьба родового устройства также оказалась весьма различной. На Западе оно полностью исчезло, тогда как на Востоке сохранилось практически в прежнем виде. В древности φνλαι и Gentes также выполняли важные функции. Все древние города состояли из родов, а не из отдельных личностей. Каждый человек был лишь членом рода, то есть членом сообщества, целью которого была оборона и распределение обязанностей, и принадлежал к роду. То же самое наблюдалось и в Индии: представители высших каст, особенно воинского сословия, обязательно принадлежали к какому-либо роду, тогда как представители низших каст и каст, возникших позднее, были членами «девака» — тотемного сообщества.

Значение рода заключалось в том, что система феодальных владений основывалась на пожалованиях, выдаваемых вождями родов. Таким образом, можно видеть, что принцип распределения земли также был основан на наследственном отборе (харизме). Человек становится аристократом не потому, что владеет землёй, а, напротив, потому, что принадлежит к аристо-

кратическому роду, и поэтому с рождения обладает правом на получение земельного надела. С другой стороны, в западной системе феодального владения распределение земель не имеет абсолютно никакого отношения к роду и происхождению; оно осуществляется феодалом, а так называемая верность вассалов представляет собой своего рода межличностные отношения. Экономическая система Китая до сих пор остаётся полукоммунистической родовой экономикой. Род в каждой деревне имеет школы и зернохранилища, обязан упорядочивать сельскохозяйственные угодья и вести земледелие, может вмешиваться в вопросы наследования, а также несёт ответственность за судебное разбирательство в случае проступков членов рода. Экономическое выживание каждого человека полностью зависит от его принадлежности к роду. Личный авторитет номинально является авторитетом рода.

Распад рода обусловлен двумя силами: во-первых, это сила пророческой религии. Пророк, не обращая внимания на родственные связи, самостоятельно создает свою общину. В Евангелии от Матфея сказано: «Не думайте, что Я пришел принести мир на землю; Я не пришел принести мир, но раздор. Ибо Я пришел разделить сына с отцом, дочь с матерью, невестку с свекровью.» (Евангелие от Матфея, глава 10, стихи 34–35). Еще сказано: «Если кто приходит ко Мне и не любит Меня больше, чем своих родителей, жену, детей, братьев, сестер и собственную жизнь, тот не может быть Моим учеником» (Евангелие от Луки, глава 14, стих 26). Эти два высказывания уже отражают отношение пророка к родовой системе.

В средневековье Церковь всячески стремилась разрушить право наследования по роду, чтобы земля могла передаваться по завещанию, но дело не ограничивалось этим. Среди евреев также существовали определенные силы, приводившие к тому же результату. Вплоть до периода изгнания родовая система оставалась в силе. Однако после периода изгнания простолюдины (plebejer) стали вноситься в родовые списки, которые ранее предназначались для знати высших сословий. Но это родовое деление вновь подверглось уничтожению, либо потому, что оно изначально носило военный характер и, лишившись военной основы в еврейском государстве, утратило свои корни, либо потому, что осталось лишь членством в общине обращенных, основанной на кровном родстве или личном вступлении.

Второй силой, приведшей к распаду родов, стала государственная бюрократия. Государственная бюрократия в древности достигла высокого уровня развития уже в эпоху Нового царства в Египте, и в ней не осталось следов родовой организации, поскольку сосуществование государства и родов было невозможно. Результатом этого стало равенство по положению между мужчинами и женщинами и свобода вступать в брак по собственному желанию. Дети, как правило, принимали фамилию матери. Царская власть, рассматривая власть кланов как политического конкурента, испытывала глубокий страх перед ней, что способствовало возникновению бюрократической системы. В результате её развитие привело к совершенно иным последствиям, чем в Китае. В Китае государственная власть оказалась недостаточной, чтобы сломить власть кланов.

Е. Эволюция семейного сообщества

Первобытное семейное сообщество не обязательно было чистым коммунизмом. Уже существовала весьма развитая форма частной собственности, в том числе даже в отношении детей, а также, например, в отношении изделий из железа и текстиля. Кроме того, существовали особые права наследования: женщины наследовали от женщин, а мужчины — от мужчин. Абсолютный патриархат был нормальным состоянием, хотя одновременно могли существовать и другие группы, такие как тотемные или матрилинейные кланы, ослаблявшие этот абсолютный патриархат.

Если первобытное семейное сообщество было полностью коммунистическим, то это был скорее коммунизм потребления, а не собственности. Отсюда можно вывести различные пути эволюции, приводящие к разнообразным результатам.

Небольшая семья могла развиться в большую семью либо в форму свободного сообщества, либо принять форму господства, став семьёй феодала, например, «ойкос» (Oikos) феодала или князя. Всякий раз, когда концентрация труда происходила по экономическим причинам, результатом становилось развитие первого типа; второй тип был следствием политической ситуации.

Среди югославов из семейного сообщества возникла «задруга» (Zadruga), а в Альпах — общинная экономика. В любом случае глава семьи избирался и, как правило, подлежал контролю. Основным условием здесь является чистый коммунизм в сфере производства. Поэтому любой, кто выходил из общины, лишался всех прав на долю в общей собственности. Однако в других местах, например в средневековой Сицилии и на Востоке, организация семейной общины основывалась не на чистом коммунизме, а на долевом принципе; по этой причине человек, желавший выйти из общины, мог потребовать раздела и получить причитающуюся ему долю.

Типичной формой развития феодальной семьи является патриархат. Характерной чертой патриархата является то, что право распоряжаться имуществом полностью принадлежит одному человеку, а именно только главе семьи; никто не может требовать от него расчета по долям, и глава семьи обладает абсолютной, пожизненной и наследуемой деспотической властью. Эта деспотическая власть распространялась на жену, рабов, домашний скот, орудия труда и т. д., то есть на то, что в «Римском праве» называется Familier pecuniaque; «Римское право» отражает наиболее совершенную форму такого рода семьи.

Право главы семьи на распоряжение было абсолютным и вытекало из принципа подчинения жены мужу (Manus) или детей отцу (Potestas). Помимо ограничений, налагаемых определенными обрядами, глава семьи обладал правом решать вопрос о жизни и смерти своей жены, а также правом продавать и сдавать в аренду своих детей. Согласно вавилонскому, римскому и древнегерманскому праву, глава семьи в любое время мог, помимо своих законнорожденных детей, усыновлять чужих детей, предоставляя им статус, полностью равный статусу законнорожденных детей. Не было никакого различия между рабами и женами, между женами и наложницами, а также между усыновленными детьми и рабами.

Усыновленных сыновей называли liberi; единственным отличием от рабов было то, что у них была дополнительная возможность стать главой семьи. Одним словом, это была чисто патрилинейная родовая система. Такая система преобладала в регионах, где преобладало скотоводство, а также в тех местах, где рыцарство, основанное на индивидуальном противостоянии, формировало военный класс; кроме того, она существовала и в местах, где почитали предков. Однако нельзя смешивать культ предков с почитанием умерших: в некоторых культурах, например в Египте, умерших почитают, но предков не поклоняются. Культ предков, скорее, включает в себя две составляющие: почитание умерших и родовые связи; например, в Китае и Риме власть главы семьи сохранилась до наших дней именно на этой основе.

Семейных общин в первоначальной, неизменной форме патриархата уже нигде не осталось; причиной их распада стали эндогамные браки в рамках сословных групп, поскольку знатные роды разрешали своим дочерям выходить замуж только за лиц равного положения, что неизбежно привело к тому, что дочери заняли более привилегированное положение по сравнению с рабынями. Кроме того, если женщина не выступала в качестве рабочей силы — что также впервые появилось в высших сословиях — мужчины не рассматривали её как рабочую силу и не приобретали её. По этой причине роды, желающие выдать свою дочь замуж, были вынуждены подготовить для неё приданое, соответствующее её статусу.

Влияние этого принципа сословного деления закрепило различие между законным моногамическим браком и патриархальной властью главы семьи. Брак с приданым стал официальным браком, и клан невесты устанавливал условие, согласно которому невеста становилась хозяйкой семьи, а наследниками могли быть только её дети. Эволюция института брака ни в

коем случае не была обусловлена заботой мужчин о законном наследовании имущества, как это утверждают социалистические теории. Ведь мужчина, желая обеспечить себе законного наследника, мог воспользоваться различными способами; решающее значение имела именно забота женщины о том, чтобы её дети получили наследство. Однако из этого не следует, что обязательно возникает моногамия; в целом полигамия по-прежнему сохраняется, то есть помимо хозяйки дома могут быть и другие жены, чьи дети имеют лишь ограниченное право на наследование или же лишены его вовсе.

Насколько нам известно, моногамия, рассматриваемая как единственная форма брака, впервые возникла в Риме, где она была закреплена ритуальными предписаниями, обусловленными характером культа предков. Моногамия, безусловно, существовала и в Греции, но носила крайне нестабильный характер, в то время как римляне придерживались совершенно иного подхода, строго соблюдая этот принцип. Позже христианство, распространяя свое религиозное влияние, также поддержало моногамию, взяв её за образец; евреи после эпохи Каролингов также постепенно перешли к моногамии. В результате законного брака наложница и полноправная жена стали различаться, однако женский клан продолжал защищать интересы женщин. В Риме женский клан установил свободный брак, что полностью освободило женщину от экономического и личностного господства мужчины: любая из сторон могла в любой момент расторгнуть брак, и женщине предоставлялось право свободно распоряжаться своим имуществом, однако при разводе она теряла все права на детей. Даже Юстиниан не смог отменить эту систему. Эволюция законного брака, вытекающая из брака с приданым, на протяжении длительного времени проявлялась во многих правовых системах в виде различия между браком с приданым и браком без приданого. Например, у египтян и у евреев средневековья.

Раздел 3. Возникновение феодальной системы собственности

Небольшая семья могла служить отправной точкой для формирования семейной общины, но также могла превратиться в так называемую крупную феодальную аристократию. С экономической точки зрения она в основном выступала в качестве проводника развития сельскохозяйственной собственности и, следовательно, также была проводником усадебной системы (Grundherrschaft).

Разделение богатства, ставшее основой вышеупомянутого развития, имело различные истоки: одним из них была система вождей, будь то вожди родов или военных объединений. Вождь имел право распределять всю землю между своими соплеменниками, и из этого традиционно связанного положения неизменно возникало монопольное право на наследственную феодальную власть. Почитание родом такого наследственного титула выражалось в помощи при возделывании сельскохозяйственных угодий и строительстве, а также в дарении дани, но из этого впоследствии возникла обязанность уплаты дани. Военный вождь мог стать владельцем феодальной собственности в результате внутреннего разделения или внешних завоеваний; где бы он ни находился, он имел право требовать приоритетную долю в распределении военной добычи и вновь завоеванных земель. Его вассалы также могли требовать приоритетного распределения земельной собственности. Земли, принадлежавшие этому феодалу, как правило, не обременялись должными обязательствами, как это было в случае с обычными участками возделываемой земли (например, в древнегерманской экономической системе); напротив, их возделыванием занимались вассалы, владевшие этими участками.

Появление сословия профессиональных воинов, обусловленное постепенным прогрессом военной техники и улучшением качества обороны, ещё больше усилило внутреннюю дифференциацию. Без экономической независимости человек не мог получить такого военного обучения и вооружения. Так произошла дифференциация классов. С одной стороны, обладая подготовкой и снаряжением, люди могли нести военную службу и вооружаться; с другой стороны, те, кто не мог этого сделать, не могли сохранить полный статус свободного человека. Прогресс в области земледелия также шел в одном направлении с развитием военной техники. В результате обычные крестьяне все больше сосредоточивались на своих хозяйственных обязанностях. Верхний класс, самостоятельно вооруженный и прошедший военную подготовку, благодаря своей боевой деятельности накапливал всю добычу, в то время как те, кто не обладал боевой силой, были вынуждены — принудительно или добровольно (например, путем уплаты выкупа) — служить или платить дань, что привело к еще большему расслоению.

Второй путь внутренней дифференциации заключался в завоевании врагов и подчинении их себе. Вначале всех завоеванных без исключения убивали, а иногда даже устраивали ритуалы каннибализма. Только позже постепенно сложилась практика использования их в качестве рабочей силы и превращения их в подневольный класс. Так возник класс феодалов-крепостников, которые, обладая рабами, могли осваивать и возделывать землю, чего не могли делать обычные свободные граждане. Класс рабов или подчиненный класс мог принадлежать всему сообществу и использоваться для ведения коллективного земледелия в общественных целях, как, например, в случае со спартанскими илотами (Helote), или же мог использоваться в индивидуальных целях, когда их распределяли между отдельными рабовладельцами для обработки их личных земель. Развитие последнего варианта привело к формированию аристократического сословия, основанного на завоевании.

Помимо завоевания и внутренней дифференциации, люди, не обладающие оружием, могли также добровольно подчиняться владычеству вооружённых. Будучи некомбатантами, они нуждались в защите, поэтому им приходилось признавать одного из владетелей в каче-

стве «патрона» (Patronus — в римском контексте) или «сениора» (Senior — в случае франков, находившихся под властью династии Меровингов), таким образом, он мог требовать права на представительство в суде, например, во франкском государстве — право на адвоката, который выступал бы в его защиту при вынесении приговора, или помощь в виде свидетельских показаний сеньора вместо показаний членов рода. Взамен они должны были оказывать услуги или платить дань, однако важность этого заключалась не в экономической выгоде. Они служили господину только в той мере, в какой это не ущемляло их статус свободных людей, особенно в военной службе. Например, в конце эпохи Римской Республики сенаторские роды использовали вышеописанный метод, чтобы собрать большое количество подчиненных и зависимых крестьян для противостояния Цезарю.

Четвертой формой феодальной собственности стало освоение земель помещиками. Имея в своем распоряжении множество людей и рабочих животных, помещики, естественно, в отличие от обычных крестьян, могли проводить крупномасштабное освоение земель. Однако освоенные земли в принципе принадлежали осваивающему их лицу, пока он продолжал их возделывать. Таким образом, дифференциация рабочей силы в тех местах, где она была распространена, прямо или косвенно давала благоприятные результаты для приобретения земель феодальным сословием [пример использования такого более выгодного экономического положения можно увидеть в праве владения римской аристократии «общественной землей» (agor publicus)].

Уже освоенные поместья в большинстве случаев сдавались в аренду. Такая аренда предоставлялась иностранцам, таким как ремесленники, — при этом они находились под покровительством короля или вождя, — либо сдавалась беднякам. Что касается бедных, особенно среди кочевых народов, то существовала также аренда домашнего скота; однако в целом речь шла о проживании на землях феодала при условии уплаты дани и выполнения обязательств по труду, то есть о так называемой системе зависимых батраков. Она встречалась на Востоке, в Италии, у галлов и у германцев. Аренда за деньги и зерно также часто становилась средством концентрации населения и земли, в результате чего, помимо зависимых арендаторов и рабов, особенно в условиях древней экономики, важную роль играли должники-рабы, то есть nexi.

Формы различных отношений подчинения, вытекающие из родовых связей, часто смешивались с формами отношений подчинения, основанными на власти феодала. С точки зрения безземельных или пришельцев, находящихся под покровительством феодала, так называемая родовая принадлежность уже не имела значения. Таким образом, различия между членами рода, общины и племени исчезли в рамках одной простой феодальной системы подчинения.

Пятой причиной возникновения феодальной системы собственности стала профессия колдуна. Многие вожди происходили не из числа военачальников, а из числа колдунов. Шаман накладывал заклятие на какой-то объект, и тем самым он становился священным табу (taboo), которое никто не имел права осквернять. Магическая аристократия могла таким образом создать имущественную систему священнослужителей; когда военачальники одновременно были священнослужителями, особенно на островах южной части Тихого океана, они постоянно использовали эту концепцию священности для защиты своей личной собственности.

Шестой фактор, способствовавший формированию системы собственности феодалов, — это торговля. Внешняя торговля изначально находилась под контролем вождя, который вначале был обязан заботиться об интересах всего племени. Он взимал налоги, которые служили источником его личного дохода. Эти налоги изначально представляли собой вознаграждение за защиту, которую он предоставлял торговцам из других племен; помимо таможенных поступлений, он мог взимать плату за предоставление привилегий на ведение торговли или за защиту торговых операций. Позже он часто переходил к ведению торговли самостоятельно, исключая из нее соплеменников из деревень, племен и родов, превращая собственную торговлю в свое

монопольное дело. Таким образом, с помощью аренды он мог превращать своих соплеменников в долговых рабов, а в дальнейшем — приступать к захвату земель.

Торговля вождя может вестись двумя способами: первый — это контроль над торговлей, в результате чего она находится в монопольном владении одного вождя; второй — когда несколько вождей создают торговый район и живут там вместе. В последнем случае возникают города, в которых проживают занимающиеся торговлей аристократы, чье положение основано на накоплении богатства за счет торговой прибыли. Первый вариант чаще встречается среди чернокожих народов, как, например, у жителей прибрежных районов Камеруна. В древнем Египте монополизация торговли, как правило, находилась в руках отдельных лиц, и огромная власть древнеегипетских фараонов в значительной степени основывалась на их личной торговой монополии.

Аналогичную ситуацию можно наблюдать у царей Кирены (Kyrene), а также впоследствии в средневековой феодальной системе. Второй случай — появление городского сословия феодалов — является типичным явлением для древности и раннего средневековья. В Генуе (Genoa) и Венеции (Venedig) только богатые семьи, проживавшие в этих городах, были полноправными гражданами. Сами они не занимались торговлей, а обеспечивали финансовые потоки купцам посредством различных форм кредитования. В результате другие сословия, особенно крестьяне, оказывались в долгу перед городской аристократией. Таким образом, наряду с поместьями военных феодалов возникали поместья городской аристократии древности. Поэтому особенностью древности было скопление городов вдоль побережья и наличие крупных землевладельцев-аристократов, занимавшихся торговлей; вплоть до греческой эпохи древняя культура оставалась прибрежной. Любой город этой эпохи находился в глубине суши на расстоянии примерно одного дня пути от побережья; напротив, в глубине суши жили вожди поместий со своими подданными.

Финансовой основой феодальной системы владения собственностью служили государственные налоги и система барщины; в рамках этой системы существовали две возможности: во-первых, централизованное личное управление феодалом, при котором средства административного управления были отделены от административных чиновников; по этой причине никто, кроме феодала, не мог обладать исключительной политической властью. Во-вторых, существует классовая организация управления, при которой управление ведут вассалы, сборщики налогов или чиновники параллельно с личным управлением феодала, однако занимая второстепенное положение; феодал передает свои земли этим лицам, которые берут на себя все административные расходы, в результате чего политическая и социальная организация государства приобретает различные формы. Что касается того, какая из этих форм может быть реализована, то это в основном определяется экономическими отношениями. В этом отношении Восток и Запад совершенно различаются: в экономике Востока (Китай, Малая Азия, Египет) преобладает сельское хозяйство, связанное с ирригацией, тогда как на Западе, где освоение земель привело к колонизации, решающее значение имела лесоводческая культура.

Восточная культура водопользования возникла непосредственно из первобытной культуры, основанной на возделывании земли мотыгой, в которой не использовался скот. Параллельно с ней развивалась культура садоводства, основанная на орошении из крупных рек, таких как Евфрат (Euphrat) и Тигр (Tigris) в Месопотамии (Mesopotamien)[9], а также Нил (Nil) в Египте. Водохозяйство и его регулирование требуют наличия организованной плановой экономики; именно из такой плановой экономики возникла масштабная царская экономика Ближнего Востока, характерной чертой которой является древняя Новая империя Фив (Theben). Военные походы царей древней Ассирии[10] и Вавилона — которые возглавляли отряды, сформированные из мужчин, собиравшихся в специальных местах, — преследовали главную цель: получить рабочую силу для прокладки каналов и освоения пустошей. В то время контроль над ирригацией находился в руках царя, но для обеспечения его функционирования

требовалась организованная система чиновничества. Чиновническая система в Египте и Месопотамии, связанная с земледелием и управлением водными ресурсами, представляла собой древнейшую в мире систему должностных лиц, и поэтому ее основой было экономическое положение; на протяжении всей своей истории она оставалась лишь придатком экономической деятельности самого царя. Отдельные чиновники были рабами царя или его подданными, то же самое касалось и солдат, которых, чтобы предотвратить их побег, часто клеймили. Налоговая система царя основывалась на уплате налога натурой; в Египте царь собирал этот налог в виде натуральных продуктов в хранилищах и из них выплачивал жалованье чиновникам и рабочим. Таким образом, доходы в виде натуральных продуктов являлись самой древней формой жалованья чиновников. В целом эта система привела к тому, что местное население полностью подчинялось правителям. Эта зависимость налагала на всех подданных обязанность выполнять барщину, а на деревни — солидарную ответственность за все налоги, взимаемые с них, что в конечном итоге привело к формированию так называемого принципа «ιδια» в эпоху династии Птолемеев. В соответствии с этим принципом крестьянин не только не мог отделиться от своей земли, но и не мог отделиться от своей деревни; если он не мог доказать наличие «ιδια», то фактически становился вне закона. Такая система существовала не только в Египте, но и в Месопотамии, а также в Японии, где с VII по X век действовала система распределения земли среди населения. В любом случае положение крестьян того времени было схожим с положением членов «мира» в России.

Из обязательств подданных по выполнению барщины постепенно сформировалась денежная экономика, в центре которой стояли феодалы. Процесс её развития принимал различные формы. Существовала индивидуальная экономика, при которой феодалы сами занимались производством и торговлей, а также случаи, когда феодалы использовали подчинённую им рабочую силу не только для удовлетворения собственных потребностей, но и для производства, предназначенного для продажи. Последнее можно наблюдать как в Египте, так и в Вавилоне. Торговля, а также промышленное производство для рынка превратились здесь в побочную деятельность больших семей; семья и коммерческая деятельность были полностью неразделимы — это и есть та экономическая форма, которую Родбертус (Rodbertus) называл «семейной экономикой».

Семейная экономика, в свою очередь, могла служить отправной точкой для различных организационных возможностей: во-первых, это создание в Египте системы зерновых банков. Египетский фараон имел зернохранилища по всей стране; крестьяне сдавали в них не только продукты, подлежащие уплате в качестве дани, но и всю свою продукцию, получая взамен чек, который можно было использовать в качестве денежного средства. Второй возможностью является введение феодалами денежной ренты; при этом, естественно, денежная система должна была уже проникнуть во всю частную экономику, а также должны были существовать достаточно развитое производство и внутренние торговые рынки.

Египет эпохи династии Птолемеев обладал всеми этими условиями. Судя по уровню развития административных технологий того времени, можно предположить, что такая система неизбежно сталкивалась с множеством трудностей при составлении бюджета. Поэтому правители в большинстве случаев перекладывали риски, связанные с расчетами, на других, используя один из следующих трех методов: либо поручали сбор налогов спекулянтам или чиновникам, либо передавали его непосредственно солдатам, используя эти налоги для оплаты их содержания, а иногда поручали сбор налогов помещикам. Передача сбора налогов в руки частных лиц является следствием отсутствия надёжной государственной налоговой системы, а отсутствие такой системы, в свою очередь, можно объяснить недостоверностью чиновников с моральной точки зрения.

Система, при которой сбор налогов поручался спекулянтам, также широко распространилась в Индии. Каждый такой заминдар (Zaminder) стремился превратиться в помещика. В

то же время набор новобранцев поручался подрядчику, называемому джагридаром (Jagridar), который должен был уплачивать определённую сумму, причём не имело значения, откуда она бралась; поэтому он, как и заминдар, стремился стать крупным землевладельцем.

Они похожи на феодальную аристократию: они полностью независимы как по отношению к вышестоящим, так и к нижестоящим, а также обязаны пополнять ряды новобранцев, что сходно с положением Валленштейна (Wallenstein). В тех случаях, когда чиновникам предоставлялось исключительное право на взимание налогов, правитель обязательно заранее согласовывал с ними фиксированную общую сумму; в случае возникновения излишка он оставался доходом данного чиновника, а расходы на административный персонал также оплачивались ими.

Так устроена была древняя китайская система государственного управления (впоследствии, в переходный период, когда страна стремилась перейти к налоговой политике Нового времени, статистические данные показывали резкий рост населения, что объяснялось тем, что прежние чиновники намеренно занижали численность населения в отчётах), а также система влиятельных вельмож в древнем Востоке. Третьим вариантом развития денежной экономики, ориентированной на феодалов, является передача полномочий по сбору налогов армии. Такая система, вероятно, возникала в случаях, когда государственные финансы обанкрочивались и князья не могли обеспечить армию провизией. Изменения в положении мусульманских государств, находившихся под властью турецких наемников с X века, были вызваны именно введением такой системы. Поскольку центральное правительство было вынуждено передавать налоги армии, наемники превратились в своего рода военную аристократию.

Передача политических функций по сбору денежных средств и набору новых рекрутов подрядчикам, чиновникам и армии — эти три формы составляют основу восточной феодальной системы. Эта система возникла в результате технической коррумпированности государства, которое было неспособно взимать налоги собственными чиновниками, что привело к упадку денежной экономики. В результате возникла рационализированная форма сельскохозяйственного коммунизма, при которой крестьянские общины несли солидарную ответственность перед сборщиками налогов, чиновниками или войсками; кроме того, возникло общинное владение сельскохозяйственными землями и обязательства в отношении земли. Наиболее ярко выраженным моментом, в котором Восток полностью противоположен Западу, является отсутствие на Востоке усадебной экономики (Fronhofwirtschaft), заменяемой данью и принудительным сбором. Кроме того, поскольку крестьяне уплачивали налоги натурой, при обмене на деньги возникало даже малейшее препятствие, сразу же появлялось стремление вернуться к натуральному хозяйству. По этой причине государственное устройство Востока, хотя на первый взгляд и кажется высокоразвитой культурой, чрезвычайно легко скатывается к состоянию чистого натурального хозяйства.

Четвертая, то есть последняя, форма сбора годовых доходов феодалов заключалась в передаче этой функции вождям или помещикам. Таким образом, феодалы могли сократить свои административные аппараты. Они перекладывали ответственность за сбор налогов на уже существующие органы власти частного характера, и зачастую то же самое касалось и пополнения рядов новобранцев. В эпоху Римской империи, когда прибрежная культура проникла вглубь страны, а империя, образованная объединением крупных портовых городов, превратилась в государство, расположенное в глубине материка, именно такая ситуация сложилась в Риме.

В то время в глубине страны существовали только усадьбы, ведущие натуральное хозяйство, и не знали использования денег. Позже на территории империи были введены сбор налогов и набор рекрутов, в результате чего крупные землевладельцы вплоть до эпохи Юстиниана стали господствующим классом. Крупные землевладельцы могли взимать налоги с подчиненного им населения, в то время как развитие бюрократической системы императора не шло в

ногу с расширением границ государства. Если рассматривать это состояние с точки зрения административной практики, то его особенностью было сосуществование Municipia (свободных городов) и Territoria (феодальных областей), причем помещик являлся главой феодальной области и нес ответственность перед государством за сбор налогов и набор рекрутов. Западная система зависимого крепостного земледелия развилась именно из этой ситуации, тогда как восточная система зависимого крепостного земледелия была столь же древней, как и «идиа». При правлении императора Диоклетиана этот основной принцип в целом распространился на всю страну, а именно: каждый человек должен был принадлежать к одному налоговому округу и не имел права произвольно покидать этот округ. Главами округов в большинстве случаев были помещики, поскольку центр культуры и государства постепенно перемещался с прибрежных районов вглубь страны.

Особым примером вышеописанного развития стало возникновение феодальной системы владения в колониях. Первоначальная цель колонизации носила чисто финансовый характер, то есть представляла собой колониальный капитализм. Целью завоевателей было извлечение денежных доходов, которая достигалась за счёт обязательного взимания с подчиненного местного населения денежных налогов в виде природных продуктов, в особенности колониальных специфических товаров и пряностей. В таких условиях государство часто поручало эксплуатацию колоний какой-либо торговой компании, например, Британской Ост-Индской компании или Голландской Ост-Индской компании. Поскольку вожди становились солидарными ответственными лицами, они превращались в помещиков, а изначально свободные крестьяне становились их подданными, привязанными к земле. Таким образом, возникли обязательства в отношении земли, общинное владение пахотными землями, а также права и обязанности, связанные с перераспределением земель. Еще одной формой развития феодальной системы в колониях было распределение земель, принадлежащих феодалу, между отдельными лицами. Типичным примером этого является испанская система «энкомианда» (Encomienda) в Южной Америке. Это была форма феодального пожалования, дававшая право обязывать индейцев уплачивать налоги или выполнять барщину. Такая форма существовала вплоть до начала XIX века.

В восточных странах, поскольку система основывалась на доходах и отношениях денежной экономики, существовала практика передачи политических привилегий отдельным лицам; напротив, на Западе (в том числе и в Японии) существовала феодальная система производственной экономики, в рамках которой феодальная собственность возникала в результате пожалования феодальных владений. Общая цель феодальной системы заключалась в том, чтобы пожаловать право владения землёй и феодальные права тем, кто был готов выполнять обязанности вассала, с тем чтобы создать рыцарский орден.

Здесь можно выделить две формы: первая — передача феодальной власти в качестве пожизненного вознаграждения, вторая — передача феодальной власти в виде феодального владения. Типичным примером системы феодальных владений в виде пожизненного вознаграждения является турецкая система. В принципе, данная система предполагает индивидуальное владение, ограниченное одним поколением, а не бессрочное, и предоставляется только в зависимости от заслуг в военное время. Стоимость феодального владения определялась объемом его урожая и соответствовала положению, происхождению и военным заслугам получателя.

Поскольку феодальное владение не было наследственным, сын обладателя феода не мог унаследовать его, если не имел определенных военных заслуг. Например, древнее турецкое правительство (Hohe Pforte) фактически являлось высшим феодальным органом, регулирующим все дела, большие и малые, аналогично семейному управлению франков. Первоначальная японская система также была схожа с этой. С X века в Японии произошел переход от системы «кофун-да» к системе феодальных владений с пожизненным доходом. Подданные императора и великие генералы поручали своим ведомствам макубу оценивать землю на основе урожая

риса и даровать её в качестве пожизненного дохода своим подчинённым феодалам, которые, в свою очередь, передавали её своим ближайшим соратникам, называемым «буси». Впоследствии постепенно сформировалась система наследования феодальных владений; однако, в любом случае, в силу сохранившихся пережитков отношений господин-подданный между феодалами и сёгуном, сёгун по-прежнему сохранял юрисдикцию над административной деятельностью феодалов, а феодалы, в свою очередь, продолжали контролировать административную деятельность своих подчиненных-самураев.

Российская система поместий была схожа с европейской. В России для получения поместья (pomjestje) необходимо было выполнять определенные служебные обязанности перед императором и нести налоговые обязательства. Владелец поместья должен был занимать должность чиновника или военного офицера; это правило начало отменяться только при Екатерине II (Katharina II). После реформы налоговой системы, проведённой Петром Великим, когда земельный налог был заменён подушной податью, владельцы поместий стали обязаны уплачивать налог в размере, зависящем от числа жителей, проживающих на их землях на момент проведения периодической переписи населения. О том, к каким последствиям для сельского хозяйства привела эта система, уже говорилось выше.

Не только Япония, но и средневековый Запад был местом, где получила развитие самая чистая форма феодализма. Состояние поздней Римской империи и усадебная система уже давно демонстрировали полуфеодальный характер, проложив путь для западного феодализма. Права германских вождей смешались с этой формой феодализма: за освоение земель, завоевания — когда заслужившие вассалы получали в награду земли — а также присоединение к ним большого числа людей (население, ставшее безземельным, а также крестьяне, лишенные возможности самостоятельно вооружаться в связи с развитием военного искусства, были вынуждены искать защиты у экономически сильных) — всё это привело к значительному расширению масштабов и повышению значимости манориальной системы. Кроме того, с каждым днём увеличивались площади земель, передаваемых в распоряжение церкви. Однако решающее значение имели вторжения арабов, а также необходимость создания франкских конных отрядов для противостояния мусульманской кавалерии. Карл Мартелл (Karl Martell) проводил массовую конфискацию церковного имущества, раздавая его в качестве феодальных владений (beneficia) с целью получения обученной кавалерии; эти люди должны были самостоятельно оснащаться, чтобы стать хорошо вооружёнными рыцарями. В конце концов, помимо земель, возникла практика передачи в феодальное владение государственных должностей и прав.

Раздел 4. Феодальная система

Развитие феодальной собственности, в особенности внутреннее развитие западного манориального строя, в первую очередь определялось политическими и сословными отношениями. Власть феодала состояла из трёх частей: владения землёй (власть помещика), владения людьми (рабство) и монополии на политическую власть (полученную путём узурпации или пожалования), причём последняя, в особенности монополия на судебную власть, стала одной из важнейших сил, определивших развитие Запада.

Феодал всегда и везде стремился получить «иммунитет» (immunitas) от государственной власти. Чиновникам феодала часто запрещалось входить на территорию, находящуюся под его управлением. Даже если им разрешалось въехать, то для осуществления своих официальных полномочий на этой территории (например, при взимании налогов или наборе солдат) они были вынуждены полагаться на его помощь. Помимо вышеупомянутого пассивного аспекта, у такого иммунитета был и активный аспект. А именно: по крайней мере часть прав не могла осуществляться чиновниками напрямую, а должна была передаваться феодалу, обладающему иммунитетом, и становилась его привилегией.

Иммунитет в такой форме существовал не только во Франкском королевстве, но и в Вавилоне, Древнем Египте и Римской империи. В этом контексте чрезвычайно важное значение имеет вопрос об исключительности судебной власти. Владельцы поместий и рабов повсеместно стремились обрести такую власть. В исламских странах им не удалось добиться исключительности судебной власти; там судебные полномочия государственной власти оставались нетронутыми. Напротив, западные помещики благодаря своим усилиям достигли в этом отношении значительных успехов. На Западе феодалы изначально обладали неограниченной судебной властью над своими рабами, тогда как свободные люди подчинялись только решению общественных судов.

Что касается подданных, то в уголовных делах окончательное решение также выносилось общественными судами, хотя участие феодала в этом процессе давно стало обычным явлением. Такое различие между свободными и несвободными людьми со временем исчезло, поскольку власть феодала над рабами постепенно ослабевала, а над свободными людьми — укреплялась. С X по XIII век общественные суды неоднократно вмешивались в дела, касающиеся рабов, с целью их защиты. В уголовных делах рабы часто подвергались судебному разбирательству в общественных судах. В частности, с X по XII век положение рабов, в целом, неуклонно улучшалось.

После завершения эпохи великих завоеваний торговля рабами постепенно пришла в упадок, и рабские рынки с трудом удерживались на плаву. Однако в то же время в результате работ по расчистке лесов потребность в рабах значительно возросла. Поэтому, чтобы приобрести и удержать рабов, помещики были вынуждены постоянно улучшать условия их жизни. Кроме того, в отличие от владельцев (Possesor) в Древнем Риме, они изначально были воинами, а не земледельцами, и поэтому испытывали затруднения при надзоре за своими рабами; именно по этой причине положение рабов также улучшилось. С другой стороны, власть помещика над свободными людьми стала ещё более сильной вследствие изменений в военном деле: семейная власть помещика, изначально ограниченная семьёй (famila), распространилась на всю территорию поместья.

Различие между свободными и несвободными людьми в значительной степени соответствовало различию между свободными и несвободными долговыми отношениями. К этой категории относились precaria и beneficium.

Precarie — это договорные отношения, заключаемые свободными людьми всех сословий на основании прошения. Изначально такие отношения могли быть расторгнуты в любой

момент по уведомлению, однако вскоре они стали изменяться один раз в пять лет, а на деле превратились в пожизненные договоры, причём в большинстве случаев — в наследственные. «beneficium» изначально представляло собой договор о предоставлении услуг произвольного характера, но в определенных случаях превращалось в договор об уплате дани. Позже оно разделилось на две категории: одна — «beneficium» свободных вассалов, имеющих обязанность оказывать феодальные услуги, а другая — «beneficium» свободных граждан, выполняющих подневольный труд на полученных в пользование земельных участках. Помимо этих отношений свободного заимствования существовал ещё один вид земельного заимствования — заимствование с переселением. В этом случае феодал взимал определённую ренту, предоставляя землю для освоения или передавая её в качестве наследуемого владения, что называлось «наследственной рентой» (Erbzins). Впоследствии эта система была введена и в городских районах.

Все эти три формы аренды касались земель, находящихся за пределами сельских общин (Gutsverband). От них отличались помещичьи угодья (Fronhof) и прилегающие к ним земли; ярким примером этого является «Capitulare de villis» императора Карла Великого. В рамках поместьевых владений земли феодала — среди которых были как terra solica, обрабатываемая непосредственно подчиненными феодала, так и terra indominicata, представлявшая собой феодальные усадьбы в свободных деревнях, — отличались от земель, принадлежащих крестьянам, Земли, принадлежащие крестьянам, в свою очередь, делились на две категории: «mansi serviles» с неограниченной барщиной и «mansi ingenniles» с ограниченной барщиной; различие между ними заключалось в том, что барщина, выполняемая вручную или с помощью домашнего скота, должна была предоставляться круглый год или только во время сбора урожая и обработки полей. Натуральные дани с королевских земель, а также все другие дани — если речь идет о королевских владениях, то их территория называется «fiscus» — хранились в амбарах и в первую очередь использовались для нужд армии и двора, а излишки выставлялись на продажу.

Заметный сдвиг в отношениях между свободными и несвободными людьми был обусловлен формированием независимых сфер власти у помещиков и судей. Препятствием для такого положения дел вначале было разбросанное расположение поместий; например, монастырь в Фульде (Fulda) имел тысячу разбросанных по разным местам усадеб. Лица, обладавшие судебной властью и правом собственности, с начала средневековья стремились укрепить свои юрисдикции. Отчасти это происходило благодаря развитию так называемых реальных отношений подчинения: если арендатор не мог подчиняться личному господинству, феодал отказывался сдавать ему в аренду определенный участок земли.

С другой стороны, поскольку в пределах сферы власти и на землях феодала сосуществовали как свободные, так и несвободные люди, развилось так называемое манориальное право, которое к XIII веку достигло своего апогея. Первоначально феодал мог осуществлять судебную власть только в отношении невольных членов своей семьи; за пределами семьи он мог осуществлять судебную власть на землях, подпадающих под его «привилегию», только с разрешения короля, однако на территории своего поместья проживали люди различного социального положения, и выполняемая ими подневольная работа была сопоставимой. В таких условиях свободные люди могли заставить феодала и его подданных сформировать манориальный суд, в котором подчиненные люди выполняли функции присяжных, таким образом, сеньор утрачивал право абсолютно свободно распоряжаться обязательствами своих подданных, и эти обязательства становились традиционными (это очень похоже на институт солдатских советников, учрежденный во время немецкой революции для противостояния офицерам). С другой стороны, в период с X по XII век сформировался принцип, согласно которому уже одно лишь предоставление земли юридически (ipso jure) подчиняло получателя судебной власти феодала.

Результатом этого развития, с одной стороны, стало ослабление степени неволи подданных, но в то же время, с другой стороны, сократились и их свободы. Под сокращением свобод подразумевается, с политической точки зрения, утрата судебной власти феодала, а также, с экономической точки зрения, утрата военной мощи свободных людей; что же касается ослабления неволи, то оно было вызвано огораживанием лесов, для чего крайне необходимы были крестьяне, а также (в Германии) колонизацией восточных территорий. Оба этих фактора давали невольным людям возможность освободиться от оков феодальной власти и заставляли феодалов самостоятельно соревноваться в предоставлении невольным людям более благоприятных условий жизни.

Кроме того, после запрета работорговли рабы больше не могли быть куплены, поэтому к уже существующим невольным людям приходилось относиться с большим вниманием. Повышение статуса подданных также стимулировалось политическими требованиями феодалов, направленными в ту же сторону. Феодал был профессиональным воином, а не сельскохозяйственным предпринимателем, поэтому сам по себе не мог эффективно вести сельское хозяйство. Поскольку он не мог составлять бюджет на основе нестабильных доходов, он был вынужден установить для своих подданных фиксированную сумму дохода, на которую можно было бы рассчитывать в будущем, и, следовательно, был вынужден поставить подданных в договорные отношения.

Таким образом, средневековый крестьянский класс, находясь под влиянием союза феодальной власти и манориального права, одновременно претерпевал явное внутреннее расслоение. Помимо этого подчиненного класса существовали также свободные крестьяне, владевшие свободными наследственными арендованными землями за пределами самоуправляемых общин на феодальных владениях; впоследствии они стали свободными собственниками, которым требовалось уплачивать лишь налог, освобождающий от барщины, при этом феодал не обладал над ними судебной властью. Они никогда не исчезали полностью, но в значительных количествах встречались лишь в отдельных местах. Например, в Норвегии (Norwegen), где феодализм так и не получил развития, их называли «свободными крестьянами» (Odalbaurn) в отличие от тех, кто не имел ни земли, ни свободы и находился в подчинении у свободных людей. Они также встречались в болотистых районах Северного моря, во Фрисландии (Friesland) и Дитмаршене (Ditmarschen), в некоторых частях Альп (Alpen), в Тироле (Tirol), Швейцарии и Англии. Кроме того, во многих регионах России существовали воины-поселенцы (Panzerbaner), которые были владельцами земель; к ним присоединился класс воинов-крестьян, имевших статус мелких землевладельцев, а именно казаки (Kosak).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.